

"Райкины пленники (сборник рассказов)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ЮРИЙ СОТНИК

Издательство „Детская литература“

Москва 1965

Дорогие друзья-читатели!

Довольно часто ко мне обращаются с просьбой написать несколько слов, чтобы напечатать их в начале той или другой книжки. И, так сказать, представить автора этой книжки читателям. Вот, мол, будьте знакомы, прошу любить и жаловать!.. И трудно отказать в этом не только потому, что всегда приятно выполнить законную просьбу, но и потому ещё, что о хорошей книжке уж действительно есть что сказать, и хочется поделиться с читателями своими мыслями об авторе и его работе.

Только я всегда стараюсь сказать об этом как можно короче, чтоб не занимать много места в книжке, которая принадлежит другому писателю. Попробую и в этой книжке обойтись лишь двумя-тремя страницами. Тем более, что Юрия Сотника давно уже незачем представлять читателям. Они уже и сами давным-давно познакомились с ним и полюбили этого талантливого писателя.

Как вы знаете, он работает в литературе уже далеко не первый год. Недавно, в 1964 году, мы поздравили Юрия Вячеславовича Сотника с пятидесятилетием, пожелали ему здоровья, новых успехов в творчестве. Ну, и как принято делать в дни юбилея, ещё раз оглянулись на уже немалый трудовой, творческий путь, пройденный писателем.

Юрий Вячеславович Сотник родился в 1914 году в городе Орджоникидзе (бывшем Владикавказе). Потом учился в Москве в одной из лучших школ столицы — школе № 110 в Мерзляковском переулке, где многие из писателей частенько встречались с читателями-школьниками.

Потом началась пора странствий, поисков, узнавания жизни. Юрий Сотник ездил в Сибирь, был фотолаборантом, сплавленным рабочим на реке Лене, ходил там на карбасах, знакомился с запоминающимися людьми, побывал в интересных местах, повидал немало... Он начал писать рассказы, но его долго не печатали, — видно, рассказы ещё не получились. В 1938 году он вступил в литературное объединение при издательстве «Советский писатель», начал серьёзно учиться литературному делу. И вскоре его имя стало широко известным среди юных читателей. Сотник сразу понравился ребятам как рассказчик увлекательный, весёлый, умеющий, не хмурия бровей, за шутливой улыбкой приоткрыть то, над чем стоит, может быть, задуматься и всерьёз.

После войны Юрий Сотник был участником первого совещания молодых писателей, и тогда уже всем стало ясно, что в нашей детской литературе появился талантливый и искусный писатель, который уже написал немало превосходных рассказов, будет писать ещё больше, ещё лучше и скоро станет одним из любимых авторов для ребят.

И действительно, когда называешь сейчас где-нибудь, беседуя с ребятами — будь то школа или переполненный Колонный зал Дома союзов, куда пришли на открытие Недели детской книги школьники, — имя Сотника, все радостно и громко хлопают, вскакивают с мест, чтобы получше разглядеть давно уже всем любимшего писателя. И верно, мало кто из нас, писателей, умеет вызывать такой искренний хохот, такое радостное веселье, как это делает Сотник. И достигает он этого своей вдумчивой простотой, отличным знанием всяких ребячьих дел, весёлой выдумкой, которая очень понятна ребятам, так как сама похожа на их всевозможные выдумки и затеи. И в то же время Сотник пишет не для того, чтобы во что бы то ни стало рассмешить читателя, он не ставит своих героев на голову, не переворачивает вверх тормашками привычные понятия и явления жизни.

Сотник смотрит на жизнь глазами весёлого и очень верящего в людей человека. Он знает, что наша советская жизнь помогает расти людям знающими, добрыми, сильными, внимательными друг к другу. Сотник не скрывает от читателя, что есть ещё и у нас немало дрянных людишек, и больших и маленьких, попадают ещё болтуны, вральи, трусы, себялюбцы, зазнаваки, неучи, мелкие злыдни...

Вот ведь разные люди едут в вагоне, где один из героев Сотника, храбрый и неутомимый юный натуралист, везёт в банке гадюку для школьного зооуголка. И происшествие случается при этом весьма неприятное и едва не кончившееся плохо. Не буду вам, если вы ещё не читали этого превосходного рассказа, заранее раскрывать, как всё это там у них кончилось. Но когда

вы прочтёте рассказ сами, вы увидите, как хорошо, точно и разнообразно умеет описывать разных людей, не похожие друг на друга человеческие характеры писатель Юрий Сотник. Он твёрдо убеждён, что у нас хороших, понимающих жизнь, бережно относящихся к полезным ребячьим замыслам, готовых помочь друг другу людей куда больше, чем трусоватых эгоистов, да и они не всегда безнадежны и большею частью исправимы.

Нет, я не буду вам заранее пересказывать содержание таких превосходных рассказов, как та же «Гадюка», «Белая крыса», «Кинохроника» и другие.

Прочтите их сами и убедитесь, как хорошо знает ваши интересы и настроения писатель, как правдиво и занятно он умеет показать вам вас же самих, потому что, я убеждён, почти в каждом из героев тех рассказов, которые Юрий Сотник собрал в этой книге, вы увидите что-то и своё собственное, каждому из вас свойственное, у вас самих или у ближайших друзей ваших встречающееся. И писатель своими книгами помогает вам укрепить то, что есть в вас хорошего, что надо сделать лучше, и помогает вам высмеять и исправить то, что плохо.

Вот и всё, что мне захотелось сказать перед тем, как вы будете читать эту книгу, написанную мастером тонким и добрым.

Как видите, я отнял у вас не так уж много времени из того, которое вы решили уделить настоящей книге. Я представляю себе заранее удовольствие, которое вы теперь получите со следующей же страницы...

Лев Кассиль

Кинохроника [1]

В ту субботу, придя из школы и пообедав, я вынул из шкафа самодельный киносъёмочный аппарат и приступил к своему обычному занятию: я завёл пружину аппарата, наставил пустой, без плёнки, аппарат на кошку, умывавшуюся посреди комнаты, и нажал на спуск. Аппарат затрещал; кошка посмотрела на меня долгим взглядом, зевнула, потянулась и ушла под кровать.

Я побрёл на кухню и наставил рамку видеоискателя на маму, которая мыла посуду. Кинокамера снова затрещала. Мама тяжело вздохнула и покачала головой:

— Боже! Как ты мне надоел со своим аппаратом!

Я тоже вздохнул и поплёлся прочь из квартиры. Во дворе на лавочке сидела старушка. Перед ней катали жестяной самосвал двое малышей. Я навёл свою камеру на них.

— Всё трещит и трещит! — прошамкала старушка. — Которые дети книжки читают или играют себе, а этот всё трещит и трещит...

Больше я трещать не стал.

Я вернулся домой, спрятал свой аппарат, сел у стола и уныло задумался.

Прошло уже десять дней, как я с помощью папы построил свою киносъёмочную камеру и проектор к ней. Моя камера была неуклюжей, но первая же плёнка, снятая ею, оказалась вполне приличной.

С тех пор и начались мои мучения. Папа купил мне два мотка плёнки. Первый пробный моток я сгоряча извёл на всякие пустяки, а стоил он не так уж мало. Я дал папе слово, что больше не истрочу зря ни одного кадрика. Я решил на оставшейся у меня плёнке снять такую боевую, такую увлекательную кинохронику, чтобы все зрители были в восторге.

Несколько дней я бродил со своим аппаратом по городу, ожидая, что случится какое-нибудь происшествие, но ничего не случилось. Я надоел всем родным и знакомым, расспрашивая их, не готовится ли где-нибудь интересное событие, но так ничего и не узнал. Моточек плёнки лежал нетронутым в моём столе, а сам я утешался лишь тем, что наводил пустой аппарат то туда, то сюда и заставлял его трещать на холостом ходу... Этим треском я тоже всем надоел, да и самому себе порядком надоел.

Раздался звонок. Я вышел в переднюю, открыл дверь и увидел своего двоюродного брата, пятиклассника Владю Аникеева. Я сразу догадался, что у Володи что-то произошло. Занятия в школе давно кончились, а он был с портфелем в руках. Кроме того, обычно солидный, аккуратный, он имел сейчас какой-то растрёпанный вид: пальто его было распахнуто, воротник гимнастёрки расстёгнут, а большие круглые очки сидели криво на его носу.

— Здравствуй! Дело есть! — сказал он, хмуро взглянув на меня, и стал снимать пальто.

— Из школы? — спросил я.

— Ага!

— Что так поздно?

— Сбор проводил.

— Отряда?

— Нет, с третьим звеном.

Владя прошёл в комнату и стал разглядывать в зеркале своё лицо.

— П-подлецы! — процедил он сквозь зубы.

Тут только я заметил, что правая дужка его очков сломана, а вдоль щеки тянутся четыре царапины.

— Ты что, дрался, никак? — спросил я.

— Разнимал, — проворчал Владька, не отрываясь от зеркала.

— Кого разнимал?

— Третье звено.

— Вот это звено! На сборе подрались?

— Нет, после. — Владя поправил на носу очки, но они тут же снова съехали набок.

— А что за сбор-то у вас был?

— На тему «Дружба поможет в учёбе и труде».

Я повалился на диван и захохотал. Владя отошёл от зеркала.

— Тебе смех, конечно, а меня как председателя на каждом совете дружины за это звено прорабатывают. — Он сел на стул, расставив ноги и опершись руками о колени. — В общем, давай ближе к делу. Твой аппарат работает?

Я сразу перестал смеяться:

— Работает.

— И плёнка есть?

— Есть. Только немного. Моточек один.

Владя пристально смотрел на меня сквозь перекошенные очки.

— Кинохронику снять хочешь? Боевую!

Тут уж я совсем насторожился [2]:

— Конечно, хочу! А что именно?

— Драку. Настоящую. Четверо мальчишек будут драться и, может быть, три девчонки.

Я так и подскочил. Я прямо ушам не верил, что мне привалило такое счастье.

— Владька! Ты не врешь? Кто будет драться? Где? Когда?

— Завтра в девять утра. В парке. Третье звено будет драться.

— Опять третье звено!

— Ага! погоди, я тебе обрисую положение. — Владя придвинулся со стулом поближе ко мне. — Понимаешь, в нашем отряде с дружкой не совсем благополучно. Мы с Люсей, нашей вожатой,

за один только месяц два мероприятия по внедрению дружбы провели: сбор отряда на тему «Отлично учиться и крепко дружить» и литературную викторину на тему «Классики мировой литературы о дружбе». Мы с Люсей и сами замучились и ребят замучили, готовя эти мероприятия, а дружба всё ещё не на высоте. Особенно в третьем звене. С ним прямо спасу нет! Как перессорились летом из-за чего-то, разделились на две партии, так до сих пор и воюют. Мы с Люсей думали, думали, как с ними быть, и решили для них специальный сбор звена организовать, посвящённый дружбе. Главарию одной партии, Андрею Тарантасову, велели доклад подготовить на тему «Зачем нужна дружба», а его врагу, Оське Дробилкину, поручили сделать содоклад «Что мешает нашей дружбе». Тане Зарубиной (она у них поэтесса) заказали стихи о дружбе написать и всех вместе заставили песню разучить — «Дружно шагает наше звено». Сегодня, значит, и провели. Андрей свой доклад благополучно сделал, а Оська как начал свой содоклад, так сразу и заявил, что дружбе мешают Андрюшка и его компания и что все они такие-то и расперетакие-то. Мы с Люсей их кое-как угомонили, но дальше сбор всё равно насмарку пошёл: Татьяна стихи читать отказалась, а песню они такими голосами провыли, меня аж мороз по коже продрал. А после сбора выхожу из школы на улицу, смотрю, а они уже! Гришка Тамару за косу ухватил, а Зинаида Гришку портфелем по голове, а Оська... Словом, каждому дело нашлось. Я вмешался, и вот тебе результат, мило, а?..

— Ну ладно! Ты давай главное говори: о завтрашнем дне.

— Погоди! Сейчас будет главное. Подоспели старшекласники, разогнали их, и они отправились по домам. А я задержался: всё пытался дужку к очкам приладить. Наконец иду домой, вхожу в парадное (мы с Гришкой на одной лестнице живём) и слышу на верхней площадке голоса. Там уже собрались Гришка, Андрей и Татьяна. Останавливаюсь, прислушиваюсь и знаешь, что слышу? Гришка с Андреем сговариваются на Оську засаду устроить. Тот, понимаешь, завтра в кино собирается на десять утра, а эти хотят с девяти в парке засесть и его подстеречь. И Татьяна с ними пойдёт: из кустов будет смотреть. Я, значит, послушал их, послушал, тихонько вышел из парадного и бросился к Оське. Прибегаю к нему и говорю: так, мол, и так, ты завтра по тропинке, что через парк ведёт, не ходи — там тебя Гришка с Андреем отлупить собираются. А он очень обрадовался и говорит: «Спасибо, что сказал. Я завтра с собой Никиту возьму и всех наших возьму, и мы сами на них засаду устроим и так их отделаем, что папа с мамой не узнают». Я прямо на Оську глаза вытаращил! «Ты что, спятил? — говорю. — Ты думаешь, я, председатель совета отряда, к тебе прибежал, чтобы такое побоище организовать?» А он отвечает: «Ты меня не агитируй! Тут вопрос принципиальный. Гришка с Андреем затеяли хулиганский поступок, а хулиганам нужно давать отпор. И имей в виду, говорит, если ты Гришку с Андреем предупредишь, мы тебя самого отлупим, хоть ты и председатель». Я посмотрел, посмотрел на Оську и вдруг сказал: «Ладно! Поступайте как знаете! Никого я предупреждать больше не буду». Это знаешь почему? Я вспомнил о тебе и принял такое решение: пусть они дерутся завтра сколько им влезет, а ты их потихоньку сними. А потом мы твою кинокартину в школе покажем. Пусть на них вся дружина полюбуется! Может, хоть такой позор их перевоспитает!

Я вообще человек сдержанный, но тут я обнял Владьку, чмокнул его в щёку, потом два раза перекувырнулся через голову на диване. Когда я успокоился, Владя объяснил мне подробно, в каком месте парка будет засада, и на прощание крепко пожал мне руку.

— Желаю удачи. Я бы сам с тобой завтра пошёл, да мы с утра за город уезжаем.

Проводив Владю, я подумал, что мне надо заранее осмотреть место завтрашней съёмки. Я побежал в парк.

Местечко, выбранное вояками из третьего звена, было очень удобно для засады. Парк в нашем

городе большой, старинный. Он больше похож на лес, чем на парк. Полянка, через которую шла тропинка к кинотеатру, была со всех сторон окружена густым кустарником. Даже находясь в трёх метрах от полянки, нельзя было бы разглядеть, что на ней происходит. А вот выбрать подходящую позицию для съёмки оказалось не так-то просто. С полчаса я лазил по кустам да раздумывал, как быть. Заберусь поглубже в кусты и вижу, что ветки обязательно заслонят мне объектив, выберусь поближе к полянке и понимаю, что так меня в два счёта обнаружат, а этого мне вовсе не хотелось. Судя по рассказам Владьки, в третьем звене такой народ, что они сначала отлупят человека, а потом подумают, стоит ли его лупить. Пускай они пятиклассники, а я шестиклассник, но их-то ведь много, а я один!

На краю полянки рос большой клён. Я осмотрел его. Листва клёна уже сильно поредела, и спрятаться в ней было трудно, но я подумал, что во время драки люди не интересуются тем, что делается у них над головой. Я решил снимать с клёна.

Дома я весь вечер чистил и проверял свой аппарат и разводил химикалии, чтобы завтра же проявить плёнку.

Когда все легли спать и потушили свет, у меня появилось мрачное предчувствие, что меня завтра побьют. Но я вспомнил, что настоящим кинооператорам приходится снимать и на Северном полюсе, и в Антарктиде, и в лесах, кишущих дикими зверями, и в кровавых сражениях. И мне даже стало приятно от мысли, что я тоже буду подвергаться опасности.

А утром, около девяти часов, я уже находился на своём боевом посту: лежал животом на нижней ветке клёна, держа перед собой заряженный и заведённый аппарат.

Утро стояло ясное, солнечное. С высоты трёх метров мне открывался красивый вид. Кустарники, которыми зарос почти весь парк, казались клубами бурого дыма, а над ними, как языки пламени, подымались красные, жёлтые, оранжевые клёны, берёзы и тополя. Сначала я думал, что мне ничего не стоит пролежать на моей ветке хоть до самого вечера, но чем дольше я лежал, тем больше обнаруживал под собой какие-то бугры и сучки, которые всё больше впивались в тело. Минут через десять мне стало совсем невмоготу, и я сел верхом, чтобы немного передохнуть. Сел... да так и замер.

Вблизи послышался лёгкий топот, и на полянку со всех ног вылетел мальчишка в лыжном костюме. Круто свернув с тропинки, он поскользнулся, шлёпнулся, вскочил и нырнул в кусты где-то справа от меня. Не успел я и глазом моргнуть, как примчались две девчонки: одна блондинка, другая ярко-рыжая. Они приостановились, повертелись на одном месте с огромной быстротой, потом бросились в разные стороны и тоже исчезли в кустах. Последним прибежал ещё мальчишка, маленький, худенький. Он прятаться не стал. Он с ходу опустил на карачки, сделав полукруг, подполз к крайнему кусту и стал выглядывать из-за него на тропинку.

Тут только я опомнился. Бесшумно и стремительно я снова растянулся на ветке и так напоролся животом на сучок, что от боли даже крикнул, как утка. Четверо внизу не заметили этого.

— Идут? Ося, идут? — громким шёпотом спрашивали из кустов.

— Не! Не видать, — отвечал маленький мальчишка.

— Ось! Где ты их видел? Где ты их видел?

— Метров двести от нас... Мы уже в парк входили. Я посмотрел назад, а они из переулка на

площадь выходят. Девчата! Зина, Тамара, слушайте: мы с Никитой на мальчишек нападём, а вы сразу на Таньку наваливайтесь. Ладно?

Блондинка за своим кустом ничего не ответила, а рыжая проворчала почти басом:

— Ну да ещё! Станем мы драться! Что мы, хулиганки какие...

Оська снова взглянул на тропинку и тут же подался назад:

— Идут!

Трое в кустах затихли. Я не мог видеть тропинку, я видел только Оську, наблюдавшего за ней. Он то припадал грудью к самой земле, то ложился на бок, то снова поднимался на четвереньки.

— Идут! — шептал он в страшном волнении. — Метров пятьдесят осталось. Остановились... Ой! Одеваются во что-то... Ой!.. Маски надевают. Маски! Чёрные! Идут! — Оська попятился, заполз в кусты и уже оттуда торопливо прошептал — Девчата! Зина! Если Танька будет мальчишкам помогать, вы с Тамаркой свой предрассудки бросьте, слышите?

— Угу, — слышалось из-за куста, сквозь который маячило рыжее пятно.

Больше никто не произнёс ни слова.

И вот на полянке появились ещё трое заговорщиков. Поэтесса Татьяна имела наружность, очень подходящую для поэтессы: у неё были тёмные локоны, бледное лицо и большие чёрные глаза с длинными ресницами. Обоих спутников её даже без всякой драки стоило снять на киноплёнку. Чтобы Оська их не узнал, они напялили на себя чёрт знает что: лица обоих были закрыты масками, вырезанными из тёмной тряпки. Кроме того, один мальчишка был до пят закутан в старый байковый халат малинового цвета, а на другом был драный свитер и огромные брюки-галифе шириной чуть ли не в рост самого мальчишки.

Они остановились среди полянки и стали оглядываться.

— Мальчишки, а где кляп? У кого кляп? — нежным голосом спросила поэтесса. — Гриша, у тебя кляп?

— У меня. — Заговорщик в галифе вынул из кармана скомканный носовой платок и длиннющую толстую верёвку. — Только зря вы всё это. Лучше просто отколотить его, как все люди делают, и порядок.

Татьяна заспорила с ним:

— Знаешь, Гришка... В тебе вот ни на столечко фантазии нет! Ну что интересного, если вы его отколотите? А тут... Тут прямо как в кино! Он идёт, вдруг на него налетают двое в мисках, затыкают рот, привязывают к дереву и исчезают.

— А первый прохожий его развязывает, — добавил Гришка.

— Ну и пусть развязывает, — вступился Андрей. — Зато он на всю жизнь это запомнит. А какой толк в твоём колочении? Он к нему с детства привык: его каждый день кто-нибудь лупит.

Гриша сказал, что ему, в конце-концов, всё равно, как поступят с Дробилкиным, и что ему только жалко верёвки, которую Оська им, конечно, не вернёт.

Все трое умолкли. Поэтесса отошла от своих спутников и стала разглядывать их с таким видом, словно это были прекрасные статуи.

Вот они заулыбалась, прищулив глаза и наморщив нос.

— Ой, мальчики, какие вы интересные! — пропищала она тоненьким голоском и, оглянувшись вокруг, потирая ладошки, добавила: — И вообще, как всё это интересно! Как интересно!..

— Интересно, да? Интересно? — басом рявкнула Зинаида и вылезла из кустов.

— Интересно! Интересно! — закричала вся Оськина компания, выскакивая на полянку.

Заговорщики испугались, но не пытались бежать. Они только головами вертели во все стороны, я приник глазом к видеоискателю. События стили развиваться очень быстро.

Рыжая коренастая Зинаида, пригнув голову, упершись кулаками в бока, пошла на поэтессу.

— Тебе интересно, да? Очень интересно, да? Интересно, как человека мучают, да?

Поэтесса тихонько пятилась, нацелив на Зинаиду две растопыренные пятерни.

— Только тронь, Зинка! Только тронь! Только тронь! Только тронь!..

Белобрысая Тамара прыгала перед Гришкой с Андреем, издеваясь над их костюмами, и называла их «шутами гороховыми». Никита, ухмыляясь, засучивал рукава и бормотал, что сейчас кое-кто узнает, как втроём на одного нападать.

— Никита! Никита, дай им! Дай им! — надрывался Оська, держись поближе к кустам. — Вы слышали? Вы слышали, что они хотели со мной сделать? Кляп в рот! Как бандиты настоящие! Никита, дай им, чего боишься! Дай им!

Вдруг Тамара подскочила к Грише и сдёрнула с него миску. Тот вытянул её пониже спины сложенной в несколько раз верёвкой.

Дальше всё пошло как по маслу: Тамара завизжала и ухватилась за верёвку; Никита налетел на Гришу и повалился вместе с ним на землю. На помощь Грише бросился Андрей. На Андрея, оставив Таню, напала Зинаида, а через секунду ей в волосы вцепилась сзади поэтесса.

— Ура-а-а! Бей! — завопил Оська, почти совсем исчезая в кустах.

Весь дрожи от радости, чувствуя, что наступила самая счастливая минута в моей жизни, я поймал в видеоискатель кучу малу, которая образовалась подо мной, нажил на спуск и... прямо похолодел.

Раньше я никогда не обращал внимания на то, как трещит мой киноаппарат. Только теперь я по-настоящему услышал его. Он тарыхтел, как пулемёт. Наверное, во всём парке было слышно.

Драка внизу прекратилась. Куча мала распалась.

Взъерошенные, растрёпанные члены третьего звена подняли головы. Оська вылез из кустов.

Я остановил аппарат.

Глубокая тишина наступила вокруг, и в этой глубокой тишине семь человек смотрели на меня,

а я глядел сверху на них.

— Во! Шпион! — сказал наконец Оська.

Не спуская с меня глаз, Андрей зачем-то обошел вокруг клёна. Маска его болталась на шее. У него были раскосые, как у китайца, глаза и под правым глазом темнел синяк, набитый, как видно, ещё во вчерашней драке.

— Слезай! — сказал он.

Я пробормотал, что мне незачем слезать, что мне и здесь хорошо.

— Эй, ты! — закричал Оська. — Слезай, когда тебе приказывают! Не слезешь, так мы сами к тебе заберёмся. Кувырком полетишь оттуда... Никита, Никита! Давай лезь на дерево! Чего ты боишься, давай лезь!

Пятиклассника Никиту можно было принять за восьмиклассника — такой он был здоровый. Я посмотрел, как он неторопливо поплёвывает на ладони, и понял, что мне лучше будет спуститься без его помощи. Сползая со своего клёна, я старался думать о том, что многие кинохроникёры часто подвергаются опасности и что я должен радоваться тому, что сейчас со мной произойдёт, однако никакой радости так и не почувствовал.

Как только я спустился, вояки окружили меня со всех сторон. Девочки молчали, а мальчишки ухватили меня за ворот, за рукава и стали трясти.

— Ты кто такой?

— Ты что там делал, на дереве?

— Это что за штука у тебя? Говори! Что это за штука?

— Киноаппарат, — ответил я чуть слышно.

Никогда я не думал, что это слово на них так подействует.

Мальчишки сразу сбавили тон.

Дрожа от радости, я поймал в видискатель кучу малу.

— Чего-чего? — переспросил Оська.

— Ну, кинокамера съёмочная, — повторил я.

Все притихли и переглянулись. Потом Зинаида пробасила:

— Это как такое «кинокамера»? Чтобы в кино снимать?

— Ага!

— В настоящее кино! — воскликнул Оська. — И работает? Взаправду?

— Работает...

— И ты нас снимал?!

— Снимал. Только я не за тем на дерево забрался, чтобы вас снимать. Я хотел пейзаж красивый снять, а тут пришли вы, и...

— И ты нас снял?! В настоящее кино! — ещё громче закричал Оська. — И всё получится? И всё на экране будет видно, как мы дерёмся, и всё такое?

Я кивнул.

— Во! Слышали? — ухмыляясь, сказал Никита.

— О-о-о-о-ой! — пропищала поэтесса и запрыгала на одном месте.

Затем они пристали ко мне:

— Ты когда проявишь плёнку?

— Ты нам покажешь, когда проявишь?

— Слушай! Пойдём сейчас к тебе, ладно? Ты будешь проявлять, а мы тебе помогать... И сразу нам покажешь...

Теперь, когда опасность миновала, мне стало очень досадно, что моя киносъёмка не удалась. Я сказал угрюмо:

— А чего её проявлять! Я вас и снять-то как следует не успел. Три секунды какие-нибудь...?

Вояки огорчённо притихли, но Оська быстро нашёл выход:

— Так давай мы сейчас додерёмся, а ты насними. Ребята, пошли на старое место. Кто как кого бил, так и продолжайте. А ты лезь на дерево, снимай!

Я сказал, что хочу снять настоящую кинохронику, а не спектакль и что зря тратить плёнку я не буду.

— Да ты и снимешь настоящую кинохронику, — сказал Андрей. — Мы взаправду будем драться. Верно, ребята?

— Конечно, взаправду! — подхватил Оська. — Мы так друг другу надаём — ты просто пальчики оближешь [3]. Слушай! Тебе плёнки жалко, да? Так мы тебе денег соберём, чтобы ты новую купил. На! Держи пока. Ребята, давайте у кого сколько есть, остальное потом додадим.

Денег при себе больше ни у кого не оказалось, но все дали мне честное пионерское, что сегодня же соберут деньги и даже сами купят мне плёнку. Мне, конечно, очень хотелось поработать заряженным аппаратом, а не трещать им вхолостую. Я согласился. Все очень

обрадовались и вернулись на то место, где была куча мала. Только Зинаида не пошла с остальными.

— Зина, чего ты? Иди! — позвала её Таня.

Зинаида насупилась и пробасила:

— Не пойду. И тебе, Таня, не советую. Было бы что другое, а в драке сниматься... Мы, Таня, как-никак девочки всё-таки.

— Зина, но ведь это же кино! — сказала поэтесса. — Если бы мы в жизни дрались, тогда другое дело... А ведь это же в кино!

Зинаида наконец согласилась. На клён я больше не полез, а снял потасовку с земли. После съёмки мы пошли ко мне и подняли дома такой тарарам [4], что папа с мамой сбежали к знакомым.

Несколько часов мы проявляли плёнку, промывали, отбеливали, засвечивали, снова проявляли и фиксировали. Пока плёнка сохла, мальчишки осмотрели мой киноаппарат и прикинули, кто какие детали может достать. Девчонки с Татьяной во главе успели за это время придумать такой киносценарий, что, если бы снять по нему картину, потребовалось бы плёнки на несколько тысяч рублей.

Наконец лента просохла. Я занавесил окна и установил проекционный аппарат. Когда я демонстрировал кинокартину, зрители прямо-таки выли от восторга, а я все губы себе от досады искусал. Это была не хроника, а одно недоразумение. Участники потасовки всё время смотрели в объектив, улыбались и так нежно касались друг друга кулаками, словно у них были не руки, а водоросли какие-то. Только у Оськи Дробилкина было зверское лицо, и он работал кулаками очень энергично, но бил он ими лишь по воздуху перед собой.

Так закончилась моя попытка снять боевую кинохронику. Моточек плёнки мне купили на следующий день, но он до сих пор лежит неиспользованный. Такой счастливый случай, какой я упустил, ещё раз едва ли подвернётся. Члены третьего звена строят киноаппарат, каждый день бегают консультироваться ко мне и уже собрали тонну металлолома, чтобы купить объектив. Их теперь водой не разольёшь.

1957

Петухи

В лесу, по тропинке, что вилась среди аккуратных ёлочек, брёл Паша Мочалин.

Он был одет парадно: в новенькие чёрные брюки и белоснежную рубашку с красным галстуком. Волосы его были подстрижены, приглажены и топорщились по привычке лишь в нескольких местах, однако лицо Пашино, красное, в редких, но крупных веснушках, выглядело озабоченно, сумрачно.

Он брёл медленно, глядя пустыми глазами куда-то вверх перед собой, держа в руке за спиной исписанный тетрадный листок. Брёл и угрюмо бормотал:

— Дорогие ребята! Мы, пионеры Рожновской неполной средней школы, рады... рады... это... Чёрт, забыл! Рады приветствовать вас в нашем родном колхозе. Мы уверены, что ваш приезд... ваш приезд... Обрато забыл!

Сегодня должно было произойти исключительно важное событие. Сегодня к рожновским школьникам должны были приехать в гости ребята из городского Дома пионеров, с которыми Пашин отряд больше года вёл оживлённую переписку. Паше, как члену совета отряда, было поручено сказать гостям приветственную речь.

Вчера Паша до полуночи пыхтел на кухне, составляя текст своего приветствия, и очень, как говорится, переживал. То и дело он вылезал из-за стола и открывал дверь в горницу, где стучал костяшками счётов его отец — колхозный бригадир.

— Пап! Какое тут слово поставить? «Дорогие ребята, мы очень рады...» ну, вроде «поздороваться с вами», только не «поздороваться», а другое слово есть.

— Ну, пиши: «... рады приветствовать вас», — басил отец, не отрываясь от своих бумаг.

— Во! Приветствовать, — удовлетворённо ворчал Паша и удалялся.

Но через минуту его голова снова просовывалась в дверь.

— «Ваш приезд поможет нашей дружбе». Нескладно, да?

— Ну, хочешь, так напиши: «... поможет укрепить нашу дружбу».

— «Укрепить дружбу» — это складней. Только «поможет» нехорошо. Больно обыкновенно. В газетах по-другому пишется.

— Тогда валяй: «... будет способствовать укреплению нишей дружбы».

— Ага! Во! — Паша энергичным движением вскидывал большой палец и возвращался к столу.

Наконец приветствие было готово. Паша лёг спать на печку, где была его постель, но и тут не нашёл себе покоя. Поворочавшись минут двадцать, он сполз в потёмках на пол и снова открыл дверь в горницу, в которой тоже было темно.

— Пап! Спишь?

— Ну что тебе?

— Как лучше: по бумажке читать или, может, выучить?

— Спи давай! Первый час уже!

— Лучше выучу. А то вдруг они без бумажки, а я — по писанному. Потом, гляди, смеяться будут...

То ли от волнения, то ли оттого, что он не выспался, зубрёжка плохо давалась Паше. С шести часов утра он слонялся по двору и бубнил слова приветствия. Когда проснулись его младшие сестрёнки и стали ему мешать своими криками и беготнёй, он удалился в лес. На душе у Паши становилось всё тревожней. Оставался какой-нибудь час до приезда гостей, а приветствие всё ещё не было выучено.

Бормоча, часто останавливаясь, чтобы припомнить забытую фразу, иногда воровато, краешком глаза, взглядывая на текст и снова пряча его за спину, Паша дошёл до узкой речки, через которую был перекинут пешеходный мостик. Слева от мостика тянулся небольшой пляж, покрытый мелким чистым песком. Будущий оратор решил искупаться, чтобы освежить утомлённую голову. Сойдя на пляж, он разделся, аккуратно повесил рубашку и брюки на ракитовый куст и бросился в воду.

Тут вдаль послышались автомобильный гудок и многоголосое пение. Паша чуть не захлебнулся от испуга, подумав, что это уже едут со станции гости. Но, взглянув туда, где виднелся бревенчатый мост, он успокоился: это пели колхозницы, ехавшие на машине, груженной сеном.

Выбравшись на пляж, Паша, не одеваясь, достал из штанов листочек с текстом и продолжал свой занятия, но уже по другому методу. Вместо того чтобы тихо бубнить себе под нос, он оглянулся, убедился, что вокруг нет ни души, и, размахивая руками, заговорил быстро, громко, с воодушевлением, так, словно его слушали человек двести:

— Дорогие ребята! Мы, пионеры Рожновской неполной средней школы, рады приветствовать вас в нашем родном колхозе. Мы уверены, что ваш приезд будет способствовать укреплению

дружбы, которая завязалась у нас благодаря переписке. Дорогие ребята! Мы с интересом читали ваши письма и радовались, что у вас... и радовались потому...

Паша сбился, умолк и сердито уставился на противоположный берег реки, поднимавшийся над водой невысоким обрывом.

Там, почти вплотную к обрыву, жёлтой стеной подступала спелая рожь. По тропинке, скрытой во ржи, кто-то шёл. Сначала среди колосьев мелькала лишь серая кепка, потом показалась голова, потом — голые загорелые плечи.

— Несёт нелёгкая! — проворчал Паша.

Он сел на песок, положил текст на колени и продолжал зубрить уже вполголоса.

Путник вышел из хлебов. Это был мальчишка примерно тех же лет, что и Паша. Он шёл в одних трусах, неся под мышкой большой продолговатый предмет, завернутый в газету да ещё в середине обмотанный какой-то белой тканью.

Перейдя через мостик, он остановился, в раздумье почёсывая нос.

Паша покосился на него.

— Ещё купаться надумает. Занимайся тут! — шепнул он сам себе.

И тут же мальчишка спустился на пляж и направился прямо к Паше. Метрах в двух от оратора он бережно положил свёрток на песок, сбросил кепку, снял сандалии и пошлёпал себя ладонями по груди.

— Тёплая вода? — спросил он громко.

Вместо ответа Паша уставился глазами в лист с приветствием и усиленно зашевелил губами.

Мальчишка посмотрел на него с высокомерным недоумением и вздёрнул короткий нос.

— Эй! Тёплая вода? — повторил он ещё громче.

Паша и теперь не ответил.

— Ты что, глухой, да?

— Ну и глухой! А тебе что? — проворчал будущий оратор.

— Жалко ответить, да?

Паша медленно поднялся:

— А вот и жалко. Ну?

— Баранки гну. Виноват, простите, пожалуйста! Я не знал, что тут такой важный барин сидит. Я думал, здесь обыкновенный человек, а тут такая персона, что прямо ужас!

— Давай катись отсюда, — негромко сказал Паша, пристально глядя на мальчишку.

Тот упёрся кулаками в бока:

— Что-что? Это откуда такое «катись»?

Паша медленно поднялся:

— Давай катись, говорю, с пляжа, пока цел!

— А ты его купил, пляж? Да? Купил?

— А вот как дам по шее, тогда будешь знать «купил»!

— Ты? Мне?! — Мальчишка заулыбался и приблизился к Паше. — А хочешь нокаут [5] заработать, хочешь?

Паша сделал шаг назад, загрёб пальцами босой ноги песок и, вскинув ногу, очень удачно метнул добрую горсть его прямо в рот мальчишке. Секунды три тот постоял, отплёвываясь, затем в молчании ринулся на Пашу. Бац! Из правого глаза оратора посыпались искры. Хлоп! И губы его стали солёными. Одурев от ярости, оратор вцепился в противника, шмякнулся вместе с ним на свёрток, принесённый мальчишкой, стукнул его несколько раз и, вскочив, отбежал в сторону, ожидая новой атаки.

Но её не последовало. Мальчишка вдруг словно забыл о Паше. Он сел, растерянно оглядывая песок, потом пошарил вокруг себя руками, нащупал свёрток, на котором сидел, и ерзнул в сторону так быстро, словно там была гадюка. В следующий момент лицо его покраснело и скривилось.

— Вот отвечай теперь. Отвечай! Вот отвечай! — заплакал он, тыча пальцем в сторону Паши.

С рассечённой губы оратора струйкой бежала по подбородку кровь, под самым глазом набухал здоровенный синяк.

— Чего? — спросил он машинально.

— Вот теперь будешь отвечать, будешь! Теперь ответишь! — сердито плакал мальчишка.

— «Ответишь»! — передразнил Пашка. — Сам меня во как раскровянил, а я отвечай?

— И ответишь! И ответишь! Мы рожновским ребятам скажем, они тебя всё равно найдут! Они тебе покажут!

При упоминании о рожновских ребятах Паша насторожился.

— Рожновские? А чего они мне сделают, рожновские?

— А того! Гляди, что наделал!

Присев на корточки перед сплюснутым свёртком, мальчишка снял с него белую ткань, которая оказалась рубашкой. При этом из неё выпал пионерский галстук. Мальчишка развернул газету, и глазам представилась куча сломанных планочек и клочков покрытой серебристым ликом бумаги. Среди них поблёскивал бензиновый моторчик и краснела лопасть пропеллера.

— На, смотри! — снова в голос заревел мальчишка. — Шесть человек над ней месяц работали! Теперь увидишь. Теперь тебе рожновские покажут, как модели ломать да ихних гостей бить!

— Ка-а... каких гостей? — переспросил Паша внезапно упавшим голосом.

— Таких! Из городского Дома пионеров.

Паша подогнул колени и опустился на песок. Челюсть у него отвисла, он уставился на мальчишку таким взглядом, что тот даже всхлипывать перестал. Так прошло с полминуты. Пашка вдруг замотал отчаянно головой.

— Врёшь! — прошептал он хрипло. — Их пятнадцать человек. Они на автобусе... Они по большому мосту должны... Не! Врёшь ты всё!

— А вот и не на автобусе! Мы пеший переход решили от станции сделать. Ребята на привал остановились, а меня вперёд послали, чтобы я модель успел собрать. Чтобы рожновским ребятам её на линейке преподнести.

Паша помолчал, размазывая кровь на подбородке тыльной стороной ладони, потом на коленях подполз к мальчишке.

— Слушай... это... Постой! Ты кто будешь-то? — спросил он чуть слышно.

— Ну, староста авиамодельного кружка, а дальше что?

— Дальше? — по-прежнему очень тихо сказал Паша. — Тебя, стало быть, Юрием зовут, Самохваловым, а я Паша Мочалин, в совете отряда который... Я здесь приветствие вам учил. Вот, гляди!

Подняв с песка свой листок, Паша протянул его мальчишке.

Стоя на коленях, тот пробежал несколько строк, потом рука его, державшая бумажку, бессильно опустилась. С минуту общественные деятели стояли на коленях, тупо глядя друг на друга. Наконец староста авиамodelистов тихо сказал:

— Что же это мы с тобой наделали?

— Вот я ж про то и говорю: что мы наделали?

Мальчишки ещё помолчали, потом Юра поднялся и стал натягивать на себя рубашку.

— Всё! — вздохнул он. — Придётся зайцем теперь добираться.

— Куда добираться? — спросил Паша.

— До города, вот куда. Все деньги у водителя. У меня даже карманов нет.

Громко сопя, готовый снова расплакаться, Юра стал завязывать галстук.

— А ребята как? Они тебя искать будут, — заметил Паша.

— Ну и пусть ищут! — сквозь слёзы воскликнул Юра. — А как я пойду к этим самым рожновцам, когда я ихнего члена совета отряда так разделал. Ты погляди на себя. Ты-то себя не видишь, а на тебя смотреть страшно.

Паша тоже стал одеваться.

— Юр! — вдруг сказал он. — А мы знаешь чего! Мы давай скажем, будто на тебя какие-то хулиганы напали и сломали модель, а я тебя выручить хотел, и это они меня так. Ладно?

— Безнадёжно! — вздохнул староста.

— Чего безнадёжно?

— Лицо у меня такое проклятое. Сколько раз пытался врать — всё равно по нему узнают. — Он поднял с земли обломок фюзеляжа с моторчиком и пропеллером. — Проводи меня немножко, а?

— Ладно. Умоюсь вот.

Паша обмыл речной водой разбитые губы, и новые друзья двинулись с пляжа.

— Юр! А из-за чего мы подрались-то? Ты хоть помнишь?

— Из-за характера моего дурацкого. Вот... вот... вот, ну всё бы отдал, чтобы чёртов характер свой переменить! Ну что мне стоило повернуться да отойти! Дурак!

— Вот и у меня... У меня ещё хуже характер. У меня совсем нет этой самой... сдержанности. Мне отец так и говорит: «Тебе с людьми трудно будет жить!» Ну что мне стоило? Ты бы меня спросил: «Тёплая вода?» А я бы тебе ответил: «Да, тёплая, только, будь такой любезный, отойди, пожалуйста, в сторону, я тут занимаюсь». Ты бы не отошёл? Конечно, отошёл бы, когда вежливо. Правда?

Дойдя до середины мостика, Юра приостановился:

— Мы давай берегом пойдём. По дороге не надо идти, а то там наших ребят можем встре...

Он не договорил, потому что где-то совсем близко грохнул барабан и не очень мелодично взревел горн.

Из-за высоких хлебов вышли попарно десятка полтора мальчиков и девочек в белых рубашках с красными галстуками и стали спускаться к мостику, где в ужасе оцепенели староста с оратором.

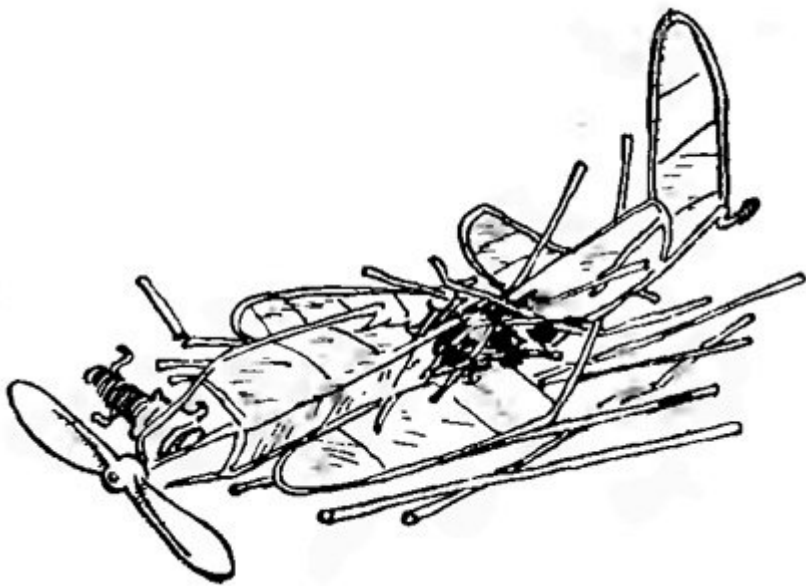
— Во! Юрка ещё здесь! — Пионеры остановились на мостике, сбившись в кучу перед двумя мальчишками. — Ты что тут делаешь? Ты дороги не нашёл? А это кто?

— Это? — Юра оглянулся на Пашу. — Это так... Это... ну просто... Это вообще... — пролепетал он.

Пятнадцать пар глаз уставились на Пашу. Все молчали. И, не в силах вынести этих взглядов, этого молчания, Паша облизнул разбитую губу, вытянул руки по швам и, сам не зная зачем, заговорил громким, отчаянным, срывающимся голосом:

— Дороги... Дорогие ребята! Мы, пионеры Рожновской школы, рады приветствовать... рады приветствовать вас в нашем родном колхозе... Мы... Дружба... будет способствовать... Потому что уверены... потому что мы...

Пионеры слушали очень внимательно, поглядывая то на заплывший глаз оратора, то на обломок серебряной модели в руке у Юры.

Дрессировщики [6]

В передней раздался короткий звонок. Бабушка вышла из кухни и открыла дверь. На площадке лестницы стоял мальчик, которого бабушка ещё не видела. Он слегка поклонился и очень вежливо спросил:

— Извините, пожалуйста. Тут живёт Гриша Уточкин?

— Ту-ут, — протянула бабушка, подозрительно оглядывая гостя.

Сам мальчик произвёл на неё довольно приятное впечатление. Он был одет в тщательно отутюженные синие брюки и чистенькую жёлтую тенниску с короткими рукавчиками. На

груди у него алел шёлковый галстук, золотистые волосы его были аккуратно расчёсаны на пробор.

При всём этом он держал под мышкой очень грязную и рваную ватную стёганку, а в другой его руке был зажат конец верёвки, привязанной к ошейнику криволапой, неопределённой масти собаки с торчащей клочьями шерстью. Вот эта стёганка и эта собака заставили бабушку насторожиться.

— Скажите, а можно видеть Гришу?

— Мо-о-ожно, — после некоторого колебания протянула бабушка. Она хотела было сказать, что собак не следует водить в комнаты, что от них одна только грязь, но сдержалась и лишь добавила: — В ту дверь иди.

Однако мальчик не повёл собаку в комнату, а строгим голосом сказал:

— Пальма, сидеть! Сидеть! Пальма, кому говорят? Сидеть!

Пальма зевнула и села с выражением безнадежной скуки на бородатой морде. Мальчик привязал конец верёвки к перилам лестницы и только после этого постучал в указанную бабушкой дверь.

Гриша, коренастый, с копной тёмных взъерошенных волос и суровым выражением лица, пилил в это время какую-то дощечку, прижав её коленкой к сиденью стула. Он несколько удивился, узнав в пришельце Олега Волошина, с которым он учился в параллельных классах и с которым почти не был знаком. Гриша выпрямился и, заправляя рубаху в штаны, молча уставился на гостя.

— Здравствуй, Уточкин, — сказал тот, прикрыв за собой дверь. — Ты не удивляйся, что я к тебе пришёл. У меня к тебе одна просьба.

— Ну? — коротко спросил Гриша.

— Ты мог бы помочь мне дрессировать собаку?

Гриша всегда был готов взяться за любое дело, но говорить много не любил:

— Мог бы. А как?

— Понимаешь, я её дрессирую на собаку охранно-сторожевой службы. Я уже научил её ходить рядом, садиться по команде, ложиться... Теперь я с ней отрабатываю команду «фасс»... Чтобы она бросалась, на кого я прикажу. А для этого нужен ассистент [7] совсем незнакомый для собаки человек.

— Чтобы она на него бросалась?

— Ага. Мы её уже дрессировали с ребятами, и она очень хорошо на них бросалась, но теперь она с ними перезнакомилась и больше не бросается. А надо закрепить рефлекс. Вот я тебя и прошу..

Гриша в раздумье почесал широкий нос:

— А если покусает?

— Во-первых, я её буду держать на поводке, а во-вторых, ассистент надевает защитную спецодежду. — Олег развернул стёганку и вынул из неё такие же драные ватные штаны. — Со мной все мальчишки из нашего класса её дрессировали, а она только одного Серёжку Лаптева немножко укусила. Согласен?

— Согласен. А где твоя собака?

— Я её на лестнице оставил, чтобы она не знала, что мы с тобой знакомы. Я сейчас выйду с ней и буду ждать тебя на Тихой улице. А ты надевай спецодежду, приходи туда и подкрадывайся к Пальме, как будто злоумышленник. Ладно?

— Ладно. Иди!

Олег удалился. Гриша надел кепку и принялся облачаться в спецовку. Это оказалось делом нелёгким, потому что брюки были огромных размеров. Стянув их ремнём под мышками и завязав тесёмочками у щиколоток, Гриша стал похож на очень большую, диковинной формы гармошку. Ватная куртка, которую он надел, несколько поправила дело: свисая ниже колен, она почти совсем скрыла брюки. Рукава, болтавшиеся сантиметров на двадцать ниже кистей рук, Гриша засучивать не стал.

Грише, конечно, не хотелось, чтобы бабушка увидела его в таком костюме, поэтому, прежде чем выйти из комнаты, он приоткрыл дверь и прислушался, а потом уж выскользнул из квартиры.

Улица Тихая была и в самом деле очень тихой улочкой. Здесь вдоль тротуаров вкривь и вкось росли старые липы, за которыми прятались маленькие домики в один и два этажа. Движение тут было такое небольшое, что между булыжниками мостовой зеленела травка.

Придя сюда, Гриша издали увидел Олега, который расхаживал по мостовой, громко приговаривая:

— Рядом! Пальма, рядом!

— Эй! — негромко крикнул «ассистент».

Дрессировщик остановился, скомандовал Пальме сидеть и кивнул Грише головой: можно, мол, начинать.

Ассистент надвинул на нос кепку, свирепо выпятил нижнюю челюсть и, слегка приседая, болтая концами рукавов, зигзагами стал подбираться к собаке.

Пальма заметила ассистента и, сидя, принялась разглядывать его, склоняя бородатую морду то вправо, то влево. Когда Гриша приблизился к ней метров на десять, они поднялись и негромко зарычала.

— Пальма! Фу! Сидеть! — сказал Олег.

И Пальма неохотно села, продолжая скалить зубы.

Ассистент стал на четвереньки и тоже зарычал.

— Фасс! — крикнул Олег.

Пальма рывкнула и так стремительно бросилась на Гришу, что дрессировщик еле удержал её

за верёвку.

Гриша вскочил и шарахнулся в сторону.

— Видал? — тихонько сказал Олег.

— Ага, — так же тихо ответил Гриша. — Только она и без твоего «фасса» бросилась бы... Ведь я её дразнил.

— Теперь знаешь что? Теперь давай без дразнения. Ты спрячься за угол, а потом выйди и спокойно иди по тротуару. И даже не смотри в нашу сторону. Ладно?

— Ладно!

Гриша добежал до перекрёстка, спрятался за угол и, подождав там минуту, степенно зашагал по противоположному от Олега тротуару. Вот он поравнялся с ними... Вот прошёл мимо...

— Фасс!

— Рррав! Рав-рав!

Обернувшись, Гриша увидел, как Пальма, натягивая верёвку, рвётся к нему.

— Здорово? — сказал Олег с другого тротуара. — Всё! Спасибо! Проверка сделана. Снимай спецодежду и иди сюда.

Гриша снял ватник и, отирая пот со лба, приблизился к дрессировщику. Пальма попыталась цапнуть его за ногу, но Олег прикрикнул на неё и заставил сесть. Он улыбался, голубые глаза его блестели, а лицо разгорелось.

— Видел? видел, что такое дрессировка? Ты даже не взглянул на неё, а она уже бросилась!

Стоя несколько поодаль от Пальмы, Гриша ковырял в носу.

— Ну и что ж, что бросилась! Я её дразнил, она меня запомнила, вот и бросилась. И в такой одежде она на каждого бросится. Вот если бы она на ту тётеньку бросилась, тогда другое дело было бы! — И Гриша указал глазами на полную гражданку, которая вразвалочку шла по противоположному тротуару, держа в руке сумку с продуктами.

Олег перестал улыбаться и тоже посмотрел на гражданку. Когда она прошла мимо, он присел рядом с Пальмой и, вытянув руку в направлении прохожей, тихонько скомандовал:

— Пальма, фасс!

В ту же секунду раздался звонкий лай, и верёвка дёрнула Олега за руку.

— Пальма, фу! — Олег с торжеством обратился к Грише: — Ну что, а? Ну что, видел?

Только теперь Гриша уверовал в силу дрессировки. Держа под мышкой свою лохматую спецодежду, он присел на корточки перед Пальмой и стал разглядывать её.

— Это какая порода? Дворняжка?

— В том-то и дело, что обыкновенная дворняжка!

— Если бы овчарка, она ещё лучше бросилась бы, — заметил Гриша.

— А я, ты думаешь, для чего её дрессирую? Я выучу её, пойду в питомник, где служебных собак разводят, покажу, как я умею дрессировать, и мне дадут на воспитание щенка-овчарку.

Гриша поднялся. Он всё ещё смотрел на Пальму.

— Наверняка дадут? — спросил он.

— Не совсем наверняка, а просто я так думаю.

— А у нас в городе есть... эти самые... где овчарок разводят?

— Питомники? Конечно, есть. При Досаафе есть, при Управлении милиции есть... Я в Досааф пойду. Вот только отработаю с ней лестницу, барьер и выдержку и пойду показывать.

— А что такое лестница, барьер и выдержка?

— Лестница — это чтобы она умела подниматься и спускаться по приставной лестнице. Барьер — это чтобы она умела преодолевать заборы, а выдержка — это так: я, например, скомандую ей сидеть, потом уйду куда-нибудь, хотя бы на полчаса, и она не сойдёт с места до тех пор, пока я не вернусь.

Болтая концами рукавов, ассистент стал подбираться к собаке.

До сих пор Гриша мало был знаком со служебным собаководством. Он слышал, что есть собаки-ищейки, раза два он видел в кино замечательно умных овчарок, совершавших подвиги вместе с пограничниками. Но всегда ему казалось, что воспитание подобных собак доступно лишь особым специалистам.

И вот теперь он увидел, что не специалист, а простой школьник заставляет не овчарку, а

самую паршивенькую дворняжку по команде садиться, по команде ходить рядом, по команде бросаться на прохожих.

С виду спокойный, угрюмый, Гриша был человеком страстным, увлекающимся. Он представлял себе, как идёт рядом с огромной овчаркой, от которой все шарахаются в стороны, как он приходит с ней в школу и как на глазах у изумлённых ребят этот свирепый, клыкастый зверь по одному его, Гришиному, слову перебирается через двор, поднимается по приставной лестнице на чердак сарая и спокойно, не сходя с места, сидит во дворе, пока Гриша занимается в классе.

— Волошин, а где ты научился... это самое... дрессировать?

— Очень просто. Купил себе в магазине книжку, «Служебное собаководство» называется, по ней и научился.

— Я себе тоже такую куплю. С собаками вот плохо... Я бы мог какую-никакую дворняжку поймать, только бабушка прогонит.

Ребята долго беседовали, стоя на краю тротуара. Олег показал Грише все штуки, какие умела проделывать Пальма. Гриша был так увлечён этим, что только раз оглянулся, услышав в отдалении неторопливые, чёткие шаги. По противоположному тротуару шёл милиционер — высокий, стройный, подтянутый, с лейтенантскими погонами. Заложив большие пальцы рук за поясной ремень, он поглядывал на ребят, возившихся со смешной собакой, и улыбался. Олег тоже заметил милиционера.

— Смотрит, — тихо сказал он.

Польщённые вниманием лейтенанта, ребята снова оглянулись на него и тоже улыбнулись. Тот слегка им подмигнул. И вдруг Гриша вспомнил, что, по словам Олега, в Управлении милиции тоже ведь есть питомник. Он тихонько толкнул Олега в бок и зашептал:

— Покажи ему! Покажи ему, как она бросается!

— Неудобно.

— Ну, чего неудобно! Шутя ведь. Покажи!

Олег секунду поколебался, потом присел, вытянул руку в направлении милиционера и громко, чтобы тот слышал, крикнул:

— Пальма, фасс! Фасс!

Пальма рванулась, выдернула верёвку из руки Олега и с яростным лаем понеслась к милиционеру.

— Тикай! — в ту же секунду крикнул Гриша.

Что было дальше с Пальмой, ребята не видели.

Кинув стёганку на тротуар, Гриша юркнул в ближайшие ворота, Олег бросился за ним.

Ребята даже не разглядели двора, в который они забежали, они заметили только, что у забора, справа от ворот, возвышается большая поленница, а между поленницей и забором есть щель шириной сантиметров в тридцать, если не меньше. Оба, словно сговорившись, свернули

направо, втиснулись в эту щель и замерли.

Через несколько секунд до них донеслись размеренные шаги, затем стук пальцев по стеклу окна. Всё это слышалось совсем близко, почти у самой поленницы. Прошло ещё несколько секунд. Щёлкнула задвижка, скрипнула дверь. Женский голос немного встревоженно спросил:

— Вам кого?

— Это ваши дети хулиганят, собак на прохожих натравливают?

— Де-ети? — протянула женщина. — У нас во всём доме ни одного ребёнка нет.

— Ни одного ребёнка нет, а я видел, как двое сюда побежали... видите, что она мне сделала? Видите?

— Пожалуйста, войдите да посмотрите, если не верите. Двор у нас проходной. Вон калитка! Наверно, туда и убежали.

Несколько секунд длилось молчание.

— Ну, виноват... — пробормотал наконец лейтенант.

— Пожалуйста, — сухо ответила женщина.

Хлопнула дверь. Шаги милиционера стали удаляться в сторону, противоположную от ворот, и скоро совсем затихли.

Всё это время мальчики простояли не шевелясь, не дыша, стиснутые между кирпичным забором и поленьями.

— Вылезай, — прошептал Гриша.

— Тише ты, дурак! — прошипел Олег и вцепился пальцами в Гришину руку повыше локтя. Он весь дрожал от испуга.

— Вылезай! А то вернётся — здесь искать будет, — сказал Гриша и силой вытолкнул Олега из-за поленницы.

Не взглянув во двор, не поинтересовавшись, там ли милиционер или нет, ребята выскочили за ворота и со всех ног помчались по улице.

Они остановились только в подъезде Гришиного дома. На носу и щеке ассистента красовались большие ссадины: он ободрал лицо о поленья. Новенькие синие брюки дрессировщика были испачканы смолой, к ним прилипли мелкие щепочки и чешуйки сосновой коры.

— Вот это влипши! — медленно проговорил он, когда отдышался. — Дурак я был, что тебя послушался.

— Дурак, что верёвку выпустил, — буркнул Гриша и сел на ступеньку, подперев подбородок кулаками, надув губы.

Олег подошёл к Грише и наклонился над ним:

— Ты знаешь, что теперь будет? Думаешь, это дело так оставят? На представителя власти

собак натравливать!

— И ничего не будет. Скажем, что нечаянно: показать хотели, — проворчал Гриша.

— «Показать хотели»! — передразнил Олег. — А кто тебе поверит, что показать хотели? Как ты докажешь, что хотели показать?

Гриша угрюмо молчал. На душе у него было тошно.

— А ты ещё спецодежду потерял, — продолжал допекать его Олег. — Мне она не нужна, а знаешь, что теперь будет? Нас найти могут по этой спецовке.

— Как ещё — найти? — уныло спросил Гриша.

— А очень даже просто: приведут ищейку, дадут ей понюхать спецодежду, и она по запаху найдёт и меня и тебя, потому что ты тоже её надевал.

Гришу совсем взяла тоска. Он встал, заложил руки за спину и, вцепившись пальцами в локти, прошёлся по площадке. Через минуту он остановился перед Олегом:

— Слушай! Давай так: если тебя поймают, ты не говори, где я живу, скажи, что не знаешь. А если меня поймают, я не буду говорить, ладно?

— Ладно. — Помолчав немного, Олег вздохнул. — Пока! Пошёл. Тут ещё уроки надо готовить...

Высунув голову из двери, он посмотрел направо, посмотрел налево и рысцой затрусил по улице, то и дело оглядываясь... Гриша поплёлся на второй этаж, в свою квартиру.

Бабушка, открывшая ему дверь, сразу заметила ссадины на его лице:

— Ишь, ободрался! Где это тебя угораздило?

— Так просто... — буркнул Гриша и прошёл в комнату.

До вечера он слонялся по квартире без дела, часто подходил к двери, со страхом прислушиваясь к шагам на лестнице, ожидая, что вот-вот раздастся звонок и на пороге появится милиционер с овчаркой.

А на дворе, как назло, стоял чудесный сентябрьский день. На улице, под окнами у Гриши, происходил напряженный матч между командой ребят из Гришиного дома, в которой он всегда играл вратарём, и футболистами соседнего двора.

— Гришк! Иди! Проигрываем без тебя! — кричали ему ребята, когда он выглядывал в окно.

— Не хочется, — угрюмо отвечал Гриша и отходил в глубину комнаты.

Настал вечер. Пришли папа и мама. Сели ужинать. Глядя себе в тарелку, Гриша жевал котлету так медленно, так неохотно, что мама встревожилась:

— Гришунь, что это ты скучный такой!

— Так...

Потянувшись через стол, мама пощупала ладонью Гришин лоб:

— Всегда такой аппетит у ребёнка, а тут еле жуёт.

— Похоже, с ребятами чего не поделил. видишь, нос ему поцарапали, — сказал папа, — Верно я говорю, Григорий Иванович?

Гриша ничего не ответил. Он молчал до конца ужина и только за чаем обратился к отцу:

— Пап, вот у нас один мальчишка натравил собаку на милиционера, и она его укусила. Что ему будет, этому мальчишке, если его поймают?

— Как — что будет? Родителей оштрафуют, в школу сообщат... За такое хулиганство по головке не погладят.

— Это сегодняшней небось натравил, — заметила бабушка.

— Какой «сегодняшний»? — переспросил папа.

— Да приходил тут к Гришке один. С виду аккуратный такой, а с ним собака... ну до того отвратительная — прямо глядеть тошно.

* * *

На следующий день было воскресенье. Всё семейство собралось идти обедать к Гришиной тётке, которая праздновала день своего рождения.

Гриша хотел было сказать, что ему нездоровится, и остаться дома, но потом представил себе, как он будет томиться в квартире один-одинёшенек в то время, когда можно было бы сидеть среди весёлых тётиных гостей, кушать всякие вкусные вещи и слушать радиолу...

Гриша отважился пойти. Как назло, папа, мама и бабушка решили не ехать на автобусе, а прогуляться пешком. В каждом милиционере Грише чудился тот самый лейтенант, и он не шёл по улице, а всё время маневрировал. Едва увидев человека в милицейской форме впереди себя, он сразу отставал от родных и шёл за ними, почти уткнувшись лицом в папину спину. Обнаружив милиционера сзади, он забегал вперёд и шёл так близко от родителей, что они наступали ему на пятки.

— Слушай, друг, да иди ты, как люди ходят, что ты вертишься, как заведённый! — не выдержал отец.

В этот момент шагах в пятнадцати от Гриши из какого-то магазина вышел высокий милиционер и направился прямо к нему. Гриша не успел разглядеть его лица, не заметил, какие на нём погоны. Он тут же спрятался в ближайший подъезд и взбежал на площадку второго этажа. Минуты две всё семейство Уточкиных стояло перед подъездом, тщетно покрикивая:

— Григорий! А ну, довольно тебе дурить! Что, маленький, в самом деле?

— Гришка, будешь озорничать, домой отправишься, слышишь?

...С не меньшими предосторожностями шёл Гриша на следующее утро в школу.

У школьного подъезда он встретил Олега. На нём вместо синих брюк были теперь серые,

вместо жёлтой тенниски были белая рубаха. На голове у Олега сидела соломенная крымская шляпа с огромными полями, которая делала его похожим на гриб.

— Ну как? — спросил Гриша, поздоровавшись с Олегом.

— Пока ничего. Я костюм переменял для маскировки. Видишь?

— Пальма вернулась?

— Вчера ещё. А у тебя как?

— Пока в порядке.

Прошло три дня. Никаких неприятностей за это время не случилось.

Гриша постепенно осмелел. Он снова начал играть с ребятами в футбол и уже не шарахался в подъезды при виде милиционера. То же было и с Олегом. Скоро Гриша опять стал мечтать о воспитании овчарки и однажды, встретив во время перемены Олега, спросил его:

— Ну как, дрессируешь?

— Нет. У меня Пальма сейчас больна.

— Чем больна?

— Да так что-то... Ничего не ест, не пьёт да всё лежит...

— Когда будешь опять дрессировать, возьми меня, ладно? Я поучиться хочу.

Дрессировщик обещал позвать Гришу, а в следующее воскресенье случилось вот что.

Папа, мама и Гриша сидели за обеденным столом. Бабушка ушла зачем-то в кухню. Вдруг раздался звонок, бабушка открыла дверь и ввела в комнату Олега. Тот тяжело дышал, не то от волнения, не то от быстрого бега. На лбу и носу его блестели мелкие капельки пота.

— Здравствуйте! — сказал он и, помолчав, добавил: — Приятного аппетита!

Затем он помолчал ещё немного, вобрал в себя воздух и вдруг выпалил:

— Уточкин, я пришёл тебе сказать, что тебе нужно делать прививки!

В комнате на секунду стало очень тихо.

— Какие прививки? — спросил Гриша.

— От бешенства. У нас Пальма заболела, перестала есть и пить, а потом ушла куда-то и пропала. Мама пошла в ветеринарную поликлинику, и ей там сказали, что у Пальмы могло быть бешенство, только тихое. Вот! И теперь мне, маме, тебе и другим ассистентам надо делать прививки.

— Та-ак! — негромко сказал Гришин папа.

— Ну, вот словно сердце чуяло! — проговорила бабушка. — Только он пришёл со своей собакой этой, так... ну словно в меня что-то стрельнуло: не бывать добра от этой собаки, не бывать!

Олег добавил, что прививки надо делать срочно, потому что Пальма могла болеть уже давно, и ушёл. Гриша расспросил отца о том, как проявляется бешенство, и после этого весь вечер бегал на кухню к крану пить воду, чтобы проверить, не начинается ли у него водобоязнь.

Он лёг спать в очень мрачном настроении, проснулся на следующее утро тоже не в духе. Но, придя в школу, сразу развеселился.

У школьного крыльца большая толпа ребят встретила его хохотом и громкими криками:

— Во! Ещё один бешеный!

— Привет взбесившемуся!

Оказалось, что у Олега в школе, помимо Гриши, было ещё целых тринадцать ассистентов и всем им нужно было сегодня идти на Пастеровскую станцию.

Вся школа уже знала об этом, и шуткам не было конца. «Бешеные» не обижались, а, наоборот, сами развлекались вовсю. Среди школьниц нашлось несколько девочек, которые боялись подходить к помощникам Олега, считая их уже заразными. К великому удовольствию всех ребят, ассистенты на каждой перемене гонялись за этими девчонками, щёлкая зубами и страшно завывая.

По окончании уроков десятка четыре школьников задумали провожать ассистентов и дрессировщика на Пастеровскую станцию.

— Олег, командуй!.. Олег, построь своих бешеных! — раздавались крики, когда наши герои вышли на улицу.

— Бешеные! Построиться! Привое плечо вперёд, шагом марш! — скомандовал Олег.

Ухмыляющиеся ассистенты парами замаршировали по тротуару, а провожающие густой толпой последовали за ними, играя на губах весёлый марш.

Войдя во двор, где помещалась станция, ребята подняли такой шум, что все медицинские работники повысовывались из окон.

Врачи и сёстры сначала рассердились на ребят, но, узнав, что это провожают Олега, о котором они уже слышали вчера от его мамы, и что с ним четырнадцать ассистентов, они сами начали смеяться.

Провожающие остались во дворе, а дрессировщик и его помощники вошли в помещение станции и выстроились в очередь у окошка с табличкой: «Запись первичноукушенных». Эта табличка всех ещё больше развеселила. Гриша даже выбежал во двор, чтобы сообщить ребятам:

— Мы теперь не бешеные, а первичноукушенные!

Получив от врача направление на укол, ассистенты вышли во двор. Олег скомандовал: «Первичноукушенные, построиться!» — и все торжественным маршем направились в районную амбулаторию, где ассистентам и дрессировщику впрыснули по порции сыворотки в животы. И, хотя уколы были довольно болезненны, всем по-прежнему было очень весело.

После прививок «первичноукушенные» и провожающие кучками разошлись по домам в разные

стороны. Гриша и Олег жили дальше всех, поэтому они скоро остались одни.

Бодро шагая рядом с Гришей, Олег вспомнил всё пережитое за сегодняшний день.

— Мы теперь благодаря Пальме на всю школу прославились! — говорил он улыбаясь. — Хотя нам и уколы теперь делают...

— Угу, зато смеха было сколько! — вставил Гриша.

— Главное — ко всему относиться с юмором, — философствовал Олег. — Если будешь ко всему относиться с юмором, то никакие неприятности тебе... — Он вдруг умолк, замедлил шаги и скоро совсем остановился, глядя куда-то вперёд, в одну точку. Он уже не улыбался. Лицо его побледнело и приняло самое разнесчастное выражение.

Гриша взглянул в том направлении, куда смотрел Олег, и тоже весь как-то осунулся. Недалеко от них на середине перекрёстка стоял постовой милиционер низенького роста, с большими, закрученными вверх усами.

Секунд пятнадцать ребята молча смотрели на этого милиционера, потом взглянули друг на друга.

— Э-э, а лейтенант-то? — совсем тихо, упавшим голосом сказал Гриша.

Олег молчал. Ребята машинально тронулись дальше и долго шли, не говоря ни слова.

— А может, она его не покусала, — сказал наконец Гриша.

— Почём я знаю, — почти шёпотом ответил Олег.

— А может, она и вовсе не бешеная, да?

Олег вдруг остановился.

— А если бешеная? А если покусала, тогда что? — вскрикнул он неожиданно тоненьким, пискливым голоском.

— Предупредить нужно, да? — глядя себе под ноги, сказал Гриша.

— А ты думаешь, не надо? Думаешь, не надо? А если человек из-за нас умрёт? Тогда что?

— Вот я и говорю: надо.

— «Надо, надо»! А как ты предупредить? Как предупредишь? Пойдёшь и скажешь ему: «Здравствуйте! Это мы на вас собаку натравили. Теперь идите делать прививки». Так ты ему скажешь, да? Знаешь, что он с нами сделает?

Ребята подошли к крыльцу старинного особняка, украшенному каменными львами со щербатыми мордами. Олег положил на одну из ступенек свой портфель и сел на него. Сел рядом с ним и Гриша. Глаза у дрессировщика покраснели, он часто моргал мокрыми ресницами и хлюпал носом.

— Дурак я... Нет... нет, не дурак, а просто идиот, что послушался тебя, — причитал он, мотая из стороны в сторону головой. — Послезавтра папа из отпуска приезжает, а я... я ему такой

подарочек... «Платите штраф рубликов двести за вашего сына».

— И ещё из пионеров исключат, — добавил Гриша.

Долго сидели дрессировщик и ассистент на ступеньках крыльца между каменными львами. Лица обоих выражали такое уныние, что прохожие замедляли шаги, поглядывая на них.

Уже давно настало время обеда, но ни Гриша, ни Олег не вспомнили об этом.

Каждый из них с тоской представлял себе, как его задерживают в милиции, как вызывают туда ничего не подозревающих родных и как, наконец, на глазах у всего класса снимают с него пионерский галстук. И каждый чувствовал, что он не в силах вынести всё это. И каждого вместе с тем мороз продирает по коже, как только он начинал думать о лейтенанте, который мог умереть мучительной смертью из-за их малодушия.

— У него, может, дети есть, — медленно проговорил Гриша.

Олег помолчал немного, потом сказал решительным тоном:

— До приезда папы из отпуска ничего не будем делать. Послезавтра папа приедет, я его встречу как следует, а после послезавтра пойдём и заявим.

Гриша не ответил. Олег помолчал ещё немного и вдруг быстро поднялся:

— Нет, не могу! Уж лучше сразу, чем ещё два дня мучиться. Идём!

Гриша не шевелился. Он сидел на ступеньках, опустив голову, и молчал.

— Ну, пошли! Решили так уж решили, — сказал Олег.

— Куда пошли? — проворчал Гриша, не поднимая головы.

— Ну, в милицию, в третье отделение. Пойдём расскажем всё, а там они уж сами найдут того лейтенанта и предупредят. Пошли!

Но Гриша и на этот раз не шевельнулся.

— А мне чего ходить? Твоя собака, ты и иди.

— Ах, так! Ну и пожалуйста!.. Как хочешь!.. — Олег всхлипнул. — Сам подбил меня, чтобы натравить, а теперь в кусты... Как хочешь... Пожалуйста!.. — И Олег, вытянувшись в струнку, слегка подрагивая узкими плечами, не оглядываясь, быстро пошёл по тротуару.

Тут только Гриша поднял голову и стал смотреть вслед удаляющемуся товарищу. Через минуту он вскочил и рысцой догнал дрессировщика:

— Ладно. Пошли.

Приятели рядышком зашагали по тротуару. Пройдя два квартала молча, Олег громко, с какой-то судорожной уверенностью в голосе, заговорил:

— Вот увидишь, что нам ничего не будет! Ну, вот увидишь!.. Ведь они же должны понимать!.. Ведь мы же благородный поступок... Ведь мы же ему, может быть, жизнь спасаем, правда? Ведь они должны понять, правда?

Гриша молчал, только сопел.

И вот они остановились перед подъездом, рядом с которым была прибита вывеска: «Третье отделение милиции».

— Пошли? — чуть слышно сказал Олег, взглянув на Гришу.

— Пошли, — прошептал тот.

И оба не двинулись с места.

— Ну, идём? — сказал через минуту Олег.

— Идём.

Олег приоткрыл дверь, заглянул в неё, потом тихонько, словно крадучись, вошёл в подъезд. Следом за ним бочком протиснулся и Гриша.

Ребята очутились в длинном коридоре с двумя рядами закрытых дверей. Только первая дверь справа была открыта. Она вела в комнату, разделённую на две части деревянным барьером.

Первая половина комнаты была пуста, если не считать милиционера, стоявшего у двери. За барьером у стола стоял маленький толстый лейтенант с красным лицом и что-то сердито кричал в телефонную трубку. За другим столом в дальнем углу сидел ещё один милицкий работник.

— Вам чего тут нужно? — строго спросил милиционер у двери, как только ребята сунулись в комнату.

— Нам?.. Нам... начальника... — пролепетал Олег.

— Какого начальника? Дежурного? По какому вопросу?

— Нам по вопросу... нам заявить нужно, по очень важному...

— Дежурный занят. Посидите здесь, — сказал милиционер, пропуская ребят в комнату, и передразнил с усмешкой: — «Заявить»!

Ассистент с дрессировщиком сели на скамью с высокой спинкой. лица их теперь стали серыми от страха, потому что толстый лейтенант, сверкая маленькими глазками и с каждой секундой всё больше распаляясь, кричал в телефон:

— А я из-за вас получать взыскания не намерен, товарищ Фролов! Понятно вам? Не намерен! Я лучше сам на вас взыскание наложу... Письмо получено. Да, да, получено, товарищ Фролов. — Лейтенант взял со стола какой-то зелёный конверт, потряс им над головой и с размаху бросил на стол. — И вы дурака не валяйте, товарищ Фролов! Маленького из себя не стройте!

Тут Гриша почувствовал, как Олег толкнул его в бок, и услышал его взволнованный шёпот:

— Дураки мы! Пойдём скорее! Ведь письмо написать можно... Напишем письмо, и всё!

Ребята поднялись.

— Всё! Кончены разговоры! Всё! — яростно прокричал толстый дежурный, треснул трубкой о

рычаг и, сопя, повернулся к мальчикам: — Так! Слушаю вас!

Мальчики взглянули друг на друга и ничего не ответили.

— Ну? Что вам угодно? — повысил голос дежурный.

— Нам... мы... нам ничего... мы просто так... — пробормотал Олег.

— Как это «просто так»? Гулять, что ли, сюда пришли?

— Мы... мы... Пойдём, Уточкин, — быстро сказал Олег.

Мальчики дёрнулись было к выходу, но тут же застыли на месте, в ужасе приоткрыв рты и вытаращив глаза. В дверях стоял тот самый лейтенант.

Гриша так и не запомнил, сколько длилось страшное, леденящее душу молчание. Ему казалось, что прошли целые часы, прежде чем Олег выговорил сдавленным голосом:

— Здравствуйте, товарищ лейтенант!

— Здравия желаю! — ответил тот, вглядываясь в мальчишек.

И вдруг дрессировщик и ассистент, словно подхваченные волной отчаяния, заговорили одновременно, заговорили громко, быстро, перебивая друг друга, стараясь друг друга перекричать:

— Товарищ лейтенант, вы... вы... нас простите, это мы на вас тогда собаку...

— Ага... нечаянно... мы вам только показать...

— Мы её дрессировали на собаку охранно-сторожевой службы...

— Он поводок нечаянно упустил. Он вам только показать, а она вырвалась...

— Мы отработывали с ней команду «фасс», и мы хотели потом пойти в питомник и показать, как мы её дрессируем...

— Вам теперь прививки надо делать...

— И мы хотели попросить, чтобы нам дали настоящую овчарку на воспитание, и...

— Потому она, может быть, бешеная. Нам тоже делают прививки...

По мере того как дрессировщик с ассистентом несли эту околесицу, лицо лейтенанта становилось всё жёстче, всё сердитее.

— Ясно! Хватит! — вдруг крикнул он и, сунув руки в карманы брюк, большими шагами стал ходить по комнате.

Ребята умолкли. От них, как говорится, пар шёл.

— А, ч-ч-чёрт! — прорычал высокий лейтенант.

Дежурный сидел, низко склонив голову над столом, и Гриша заметил, как он покусывает губы,

чтобы не рассмеяться. Милиционер, сидевший в углу, закрыл лицо растопыренными пальцами правой руки, и плечи у него дрожали. И милиционер, стоявший у двери, тоже сдерживал улыбку.

— А, ч-чёрт! — повторил лейтенант и вдруг, вынув руки из карманов, сжав кулаки, остановился перед мальчишками. — Да вы... Да я вас сейчас... да я... — выкрикнул он громко и, так и не договорив, снова принялся шагать по комнате.

— Это которая тебе брюки на коленке порвала? — спросил дежурный, всё ещё глядя в стол.

Лейтенант не ответил. Тогда дежурный поднял голову и обратился к Грише:

— Так! Твой адрес и фамилия?

— Кузнецов переулок, дом три, квартира восемь, — тихо ответил тот.

Дежурный записал адрес на четвертушке бумаги и посмотрел на Олега:

— Твой?

— Проезд Короленко, дом пятнадцать, квартира один.

— Так. Идите!

Мальчики направились к двери, но через два шага Олег остановился и обернулся к дежурному:

— Скажите, пожалуйста, а что нам теперь будет?

— Там увидим. Идите, пока целы.

Милиционер, стоявший в дверях, пропуская ребят, легонько щёлкнул Гришу по макушке.

Очувившись на тротуаре, мальчишки бросились бежать, словно боясь, что лейтенант сейчас выскочит и погонится за ними. Когда же свернули в ближайший переулок, Олег вдруг остановился, сунул руки в карманы брюк и прислонился спиной к стене дома.

— Дураки, дураки и дураки! — сказал он медленно и негромко.

— Кто... дураки?

— Мы с тобой дураки: зачем мы правдашные адреса дали? Ведь никто не проверял.

Гриша в ответ на это только вздохнул.

* * *

Одиннадцать дней Гриша ждал, что его родителей вызовут в милицию. На двенадцатый день, когда он был в школе, раздался звонок. Бабушка открыла дверь и увидела стройного лейтенанта в милицейской форме.

— Виноват, здесь живет Гриша Уточкин?

— Зде-е-есь, — протянула бабушка упавшим голосом.

— Дома он?

— Не-е-ету... В школе!..

— Разрешите на минуту!..

Бабушка посторонилась, пропуская лейтенанта в переднюю, и тут только заметила, что лейтенант ведёт на поводке щенка-овчарку с острой мордой, торчащими ушами и высокими толстыми лапами.

— Вот, передайте ему, пожалуйста, — сказал лейтенант, вкладывая конец поводка в бабушкину руку. — На ошейнике монограмма [8] есть. И скажите, что привет им обоим от лейтенанта Самойленко.

Лейтенант приложил руку к козырьку и удалился.

Бабушка выпустила из рук поводок и долго стояла, уперев руки в бока, глядя на щенка, который расхаживал по передней, потягивая носом. Потом она сходила в комнату, надела очки и, вернувшись в переднюю, присела на корточки.

— Ну-ка, ты! Как тебя?.. Поди сюда! — сказала она, чмокнув губами.

Щенок подошёл к ней, виляя хвостом и улыбаясь. Придерживая его за спину, бабушка нашла на ошейнике металлическую пластинку. На ней была надпись:

«Грише Уточкину и Олегу Волошину от работников 3-го отделения милиции».

— Ишь ты!.. — прошептала бабушка.

1954

«Человек без нервов»

У Лодя была одна слабость: ему так хотелось прослыть храбрецом, человеком исключительным, прошедшим огонь и воду [9], что он иной раз не мог не приврать.

Когда в пионерском лагере устраивали прогулку на лодках по реке, он всем своим видом давал понять, что ему скучно катанье в «этой посудине для сухопутных крыс и маменькиных сынков». Если проходил пароход и лодки начинали покачиваться, а девочки весело и немного испуганно пищать, Лодя нарочно ещё сильнее раскачивал «эту посудину» и говорил:

— Попробовали бы вы пять баллов на Чёрном море!

— А ты пробовал?

Лодя кивал головой и рассказывал о том, как он, взяв потихоньку лодку, прошёл в пятибалльный шторм из Третьего лагеря Артека к Нижнему лагерю, чуть не разбившись по дороге о скалу Султанку.

— Ничего страшного нет. Не теряйся — и всё в порядке. Струсил — тогда играй похоронный марш, — заканчивал он.

Особенно Лодя старался поразить своей отвагой двенадцатилетнюю Машу Брыкину из второго отряда девочек. Ей он рассказывал о том, как он собственными руками задушил напавшего на него бешеного фокстерьера [10], и о том, как они с отцом заблудились однажды в пустыне Каракум и спаслись только благодаря его, Лодиной, находчивости. Маша всему верила. Её круглое, очень смуглое лицо со вздёрнутым носом застывало от ужаса, большие карие глаза неподвижно смотрели на щуплого Лодю. Временами она перебивала рассказчика и взволнованно спрашивала:

— Нет, Лодька, ты сознайся: неужели... неужели ну вот ни капельки не было страшно?

— Что ж тут страшного! — пожимал плечами Лодя. — Не теряйся — и всё.

Маша от избытка чувств мотала головой, и толстая золотистая коса била её по плечам.

— Нет... нет, Лодья... Ты... ты какой-то особенный! Ты просто человек без нервов!

Сердце Лодя приятно замирало от таких слов. Он начинал мечтать о том, как бы на деле доказать Маше, что он «человек без нервов».

Однажды под вечер Лодя и Маше поручили сходить в соседнюю деревню и пригласить на костёр председателя колхоза, получившего звание Героя Социалистического Труда.

До деревни было километра полтора. Слева вдоль просёлочной дороги тянулось поле овса, справа, вплотную к дороге подступал лес. У самого края росли молодые светло-зелёные ёлочки; за ними, словно охраняя малышей, стояли взрослые ели с тяжёлой синеватой хвоей на опущенных ветках.

Маша то и дело замедляла шаги, всматриваясь в глубь леса.

— Угадай, на сколько тянется этот лес? — говорила она. — Не знаешь? До самой железной дороги, больше чем на двадцать километров! Евстигней Иванович, начальник лагеря, сказал, что если кто-нибудь пойдёт в этот лес без вожатых, то его сразу отправят к родным. Знаешь почему? Потому что в этом лесу не только ребята, а даже здешние колхозники иной раз плутают: кружат, кружат, а выйти не могут.

— Тоже мне лес! Ты настоящего леса не видела, — отвечал Лодя и уже обдумывал новый рассказ о своих приключениях в Уссурийской тайге.

Овёс кончился. Дорога отошла от леса и потянулась наискосок через луг. В конце луга виднелись длинные строения колхозной фермы. На лугу, шагах в пятнадцати от дороги, пасся большой чёрный с белыми пятнами бык, привязанный к стволу одинокой берёзы. Поравнявшись с быком, ребята остановились.

— Берендей, — почтительно сказала Маша.

Лодя молча кивнул.

— Его неделю тому назад в колхоз привезли. В стадо его ещё не пускают.

— Знаю. Карантин, — сказал Лодя.

— Его вся деревня боится, — снова вполголоса заговорила Маша. — На прошлой неделе, когда его вели в стойло, он лошадь забодал, а во вторник счетовод на велосипеде ехал, так он на него... Счетовод прямо с велосипеда через забор прыгнул и поэтому остался живой.

Всё это Лодя уже знал. Знал он также, что Берендей не подпускает к себе ни одного из работников фермы и что ладит с ним лишь колхозный зоотехник, который и привёз Берендея откуда-то из-под Ярославля.

Берендей перестал шипать траву, приподнял голову и, стоя боком к ребятам, следил за ними блестящим немигающим глазом.

— Идём, — сказала Маша. — Он чего-то смотрит на нас...

Лодя побаивался коров, а о быках и говорить нечего. Именно поэтому он не двинулся с места.

— Лодя, идём! видишь, он смотрит на нас.

— Не бойся. Не с такими дело имел.

Какое он имел дело с быками, Лодя ещё не придумал, но Маша его и не спрашивала. Она только смотрела то на щуплого Лодю в широких и длинных, не по росту, трусах, то на здоровенного быка, у которого чёрная лоснящаяся шкура туго обтягивала каждый мускул.

Бык, по-видимому, был надёжно привязан к берёзе. Лодю очень хотелось удивить Машу своим невероятным самообладанием. Он озабоченно сдвинул брови и сказал:

— Похоже, что верёвка возле рогов перетёрлась.

— Ой!.. Лодька, правда?

— Да. Я сейчас проверю. Отойти подальше на всякий случай.

— Лодька, вернись! Нет, это прямо сумасшедший какой-то! — закричала Маша, пятясь назад по дороге.

Лодя не обратил на этот крик никакого внимания. Размеренной поступью он приближался к быку. Берендей повернулся рогами к Лодю и с шумом выдохнул воздух: «Хух!» От этого «хух» у Лодю сразу ослабели ноги. Он уголком глаза посмотрел на Машу. Та стояла уже возле самого леса и кричала:

— Лодя, не надо! Лодя, что ты делаешь?!

Это подбодрило Лодю. Он сделал ещё несколько, на этот раз очень неровных шагов и остановился в полутора метрах от быка.

Берендей опустил рога, сильно ударил себя хвостом по боку, и снова послышалось: «Хух!»

— Но-но у меня!.. Ты не очень-то! — слабеньким голоском сказал Лодя и сделал бочком ещё один шаг.

Берендей крутнул головой, словно желая стряхнуть верёвку, двойной восьмёркой оплетавшую рога, и двинулся к Лодю. Однако верёвка натянулась и вывернула ему голову так, что один глаз стал смотреть в землю, а другой — в небо. Бык замычал протяжно и раскатисто. Маша завизжала. У Лодю что-то сжалось в животе. Он было собрался удрать, но увидел, что бык стоит в прежнем положении и верёвка крепко держит его.

«Дотронусь до морды и уйду!»

Лодя снова бочком приблизился к Берендею, сильно вытянул левую руку, и, заискивающе приговаривая; «Быченька, быченька...», ткнул «быченьку» указательным пальцем в мягкий тёплый нос. Берендей не шевельнулся. Лодя разом осмелел.

— Но-но! Не на того напал, — сказал он громко, чтобы Маша могла услышать, и снова ткнул быка в нос, на этот раз кулаком.

Берендей неуклюже попятился. Теперь можно было с достоинством уйти. Лодя повернулся и направился к Маше, стараясь не спешить и не оглядываться назад. Не оглядываться было очень трудно, потому что сзади слышалась какая-то тяжёлая возня. Однако Лодя не повернул головы. Он даже изобразил на своём лице беспечную улыбку. Так он прошёл примерно

половину пути. И вдруг он увидел, как Машино лицо перекопилось, услышал, как она взвизгнула не своим голосом, увидел, как её словно ветром сдуло и понесло по дороге к лагерю. Лодина голова сама собой повернулась.

Берендей, опустив рога, ровной рысцой бежал к нему.

«Человек без нервов» не пискнул, не издал ни звука. В голове его мелькнуло: «Бежать!», а ноги уже пронесли его метров десять по направлению к лесу... Потом он подумал: «Спрятаться!», а сам уже секунду лежал под ветками огромной, разлапистой ели, росшими почти у самой земли. Больше Лодя ни о чём не думал, только ждал, что бык сейчас доберётся до него и забодает...

Но Берендей не появлялся. Долго, очень долго Лодя лежал пластом на сухих еловых иглах, потом приподнял голову и прислушался. Кругом было тихо. Трудно сказать, сколько времени длилась эта тишина: то ли пять минут, то ли полчаса. Наконец где-то совсем близко прозвучал тихий, прерывающийся голос:

— Лодя!.. Лодя, где ты? Лодя!

«Человек без нервов» выполз из-под ели, с трудом продрался сквозь густые заросли молодняка, которых он не заметил, спасаясь от Берендея, и очутился на дороге.

Маша стояла в трёх шагах от него. Круглое лицо её покраснелось, ресницы слиплись от слёз, от гладкой причёски отделилось множество тонких прядок, которые слегка шевелились и поблёскивали золотыми искорками. Лодя, наоборот, был бледен. Через нос и правую щёку его тянулась большая ссадина. Трусы, рубашка и всклокоченные пепельные волосы были унизаны сухими еловыми иглами.

Маша долго рассматривала его, потом глубоко вздохнула:

— Я уж думала, ты погиб.

Лодя постарался улыбнуться.

— З-занятое приключение! — выдавил он, чуть заикаясь.

Оба помолчали, рассеянно оглядываясь по сторонам. Ни на дороге, ни в деревне, ни на лугу не было видно ни души.

Вдруг на лице у Маши снова появилось испуганное выражение:

— Лодька! А Берендей! Где Берендей?

Лодя равнодушно махнул рукой в сторону леса:

— Там где-то.

Маша подошла поближе и посмотрела ему в глаза.

— Лодька, ты понимаешь, что ты наделал? Понимаешь? — сказала она.

Лодя молчал.

— Он же в лес ушёл! Он же пропадёт! — почти крикнула Маша.

Только теперь Лодя увидел другую сторону всей этой истории. Из-за него сорвался с привязи племенной колхозный бык. Бык может уйти далеко в лес, может заблудиться, погибнуть... Плечи у Лоди опустились, лицо вытянулось.

— Вот что ты наделал!

Маша постояла в раздумье, зажав зубами кончик пионерского галстука, искоса, уже без всякого восхищения поглядывая на «человека без нервов». Потом она круто повернулась и скрылась среди молодых ёлочек. Лодя пошёл за ней.

Лес был неровный. Плотные заросли елей походили на материки и острова. Между ними бухтами и проливами зеленели лужайки с пушистыми шариками одуванчиков. Маша как будто забыла свой страх перед Берендеем, забыла и о том, что в этом лесу можно заблудиться. То ей слышался треск сухой ветки, и она бежала на этот звук. То ей казалось, что за деревьями что-то шевелится, и она шла в противоположном направлении, продираясь сквозь колючий ельник.

Лодя всюду следовал за ней и думал: что они будут делать с Берендеем, если даже найдут его? Ведь ни он, ни Маша не решатся подойти к быку и на двадцать шагов. Не лучше ли пойти в правление колхоза и рассказать обо всём? Но как рассказать? Неужели так прямо и заявить: «Дорогие товарищи! Я выпустил вашего быка, и он ушёл в лес. Пойдите поищите его». Нет! Уж лучше продолжать поиски, а там видно будет.

Постепенно Лодя ободрился и стал разглядывать траву, надеясь обнаружить следы Берендея. Но трава была невысокая и такая упругая, что Лодя даже собственные следы различал с большим трудом.

Так они петляли по лесу, пока не заметили, что одуванчики на больших лужайках стали красными от лучей заходящего солнца, а на маленьких лужайках, окружённых елями, сделалось тускло и серо.

— Лодька!.. Что ты наделал! Ты понимаешь, что ты наделал? — десятый раз повторяла Маша.

— В колхоз нужно идти. Заявить, — упавшим голосом ответил «человек без нервов».

Усталые, унылые, они побрели обратно. Маша неуверенно говорила, что им нужно идти правей. Лодя так же неуверенно предлагал забрать немного влево. На душе у каждого становилось всё тревожней и тревожней.

Скоро, однако, в деревьях показался просвет, и ребята вышли к прямой, широкой просеке, на которой то здесь, то там росли приземистые кустики можжевельника. Маша сразу повеселела:

— Он! Эта же та самая! Они к лагерю ведёт!

Маша раздвинула ветки, вышла на просеку, посмотрела влево, повернулась, посмотрела вправо... и попятилась.

Лодя подошёл к ней и тоже взглянул направо: на просеке, шагах в пятидесяти от ребят, пасся Берендей.

Маша вцепилась в Лодину руку чуть повыше локтя и, не спуская боязливых взволнованных глаз с Берендея, прошептала:

— Лодька, никому в колхозе не говорить, что это он из-за тебя сорвался!

— Вот ещё! Буду я прятаться! — прошептал Лодя, тоже внимательно следя за быком.

— Лодька, тебе ничего не будет, потому что ты мальчишка, а для вожатых — неприятности.

Лодя помолчал. Маша ещё крепче впились в его руку:

— Лодька, дай мне честное слово, что не будешь близко к нему подходить!

— А что?

— Я сейчас побегу в лагерь, а оттуда в колхоз... А ты оставайся здесь и никуда его не пускай, пока люди не придут. Только близко не подходи. Ладно?

— Л-ладно, — вяло ответил Лодя, тоскливо глядя на быки, на тёмные стены елей, сходящиеся вдали, на большое красное солнце, которое садилось в конце просеки.

— А если он всё-таки уйдёт, то иди за ним и кричи всё время «ау». Мы по голосу тебя отыщем. Хорошо?

Лодя только молча кивнул.

— Пока!.. Ой, Лодька, я бы на твоём месте со страху померла!

Маша пустилась бежать. Малиновая от заката кофточка её ещё долго мелькала среди низких кустов.

На просеке, шагах в пятидесяти от ребят, пасся Берендей.

На просеке стояла тишина. Никогда ещё Лодя не чувствовал себя таким одиноким.

Он поднял с земли большую сухую ветку и стал обламывать с неё сучки. Он понимал, что палкой от быка не спасёшься, но всё же с нею было как-то спокойней.

Один из сломанных сучков треснул так громко, что Берендей поднял голову.

Лодя спрятался за ближайшую ёлку. Несколько секунд бык прислушивался, потом он зашагал по просеке в сторону, противоположную той, куда убежала Маша. Лодя думал, что он отойдёт немного и снова примется за еду. Но Берендей продолжал идти, слегка покачивая белым хвостом с грязной кистью на конце. Обрывок привязанной к рогам верёвки волочился за ним по траве.

«Уходит! Уйдёт!..» — подумал Лодя и побежал за быком.

— Берендей! — вскрикнул он.

Берендей всё шёл. У него был такой вид, словно он знает, куда и зачем идёт, и знает также, что путь предстоит далёкий. Лодя пришёл в такое отчаяние, что ещё ближе подбежал к быку и снова крикнул:

— Берендей!

Берендей остановился и посмотрел на Лодю через плечо. Тот застыл на месте.

Берендей медленно повернулся всем корпусом на сто восемьдесят градусов. Лодя слегка присел. Берендей подхлестнул себя хвостом и шагом двинулся на Лодю. «Человек без нервов» большими скачками понёсся в ельник.

Когда он снова выбрался на просеку, быка на ней не было. Лодя крадучись двинулся вперёд и услышал, как недалеко в лесу шелестят ветки. Лодя пошёл на этот шорох и скоро увидел среди хвои белый хвост Берендея.

Снова начались блуждания по лужайкам и прогалинам. Постепенно деревья становились черней и как будто выше, а трава из зелёной превратилась в тёмно-серую. Приближалась ночь. Берендей шёл всё дальше и дальше. Иногда он останавливался и мычал глухо и тревожно. На некотором расстоянии за огромным быком следовала миленькая фигурка с корявой палкой в руках. Фигурка всхлипывала и время от времени принималась кричать:

— Ма-ша-а! Эй, Ма-ша-а!

Никто не отзывался.

Но вот ельник кончился. Берендей пересёк узкий луг и пошёл к пологому бугру, где росли редкие высокие, как мачты, сосны и белели то здесь, то там стволы берёз. На склоне этого бугра Берендей остановился и опять замычал очень тихо, словно боясь, что его услышат. Постепенно настороженность его исчезла, голова понуро опустилась. Через несколько минут он лёг спиной к Лодю и стал похож на большой чёрный валун, облитый в нескольких местах извёсткой.

Лодя сел на широкий, влажный от росы пенёк, его тапочки промокли. Он сильно замёрз и очень хотел есть.

В голове были самые безрадостные мысли. Что, если они ошиблись, думая, что просека выведет Машу к лагерю? Что, если это какая-нибудь другая просека и Маша заблудилась, идя по ней, и колхозники ищут сейчас быка где-нибудь далеко отсюда? С рассветом Берендей снова начнёт кружить по лесу. Идя за быком, можно проплутать без пищи, без тёплой одежды и день, и два, и целую неделю, можно, наконец, погибнуть в такой глуши, где никто и костей не найдёт!..

Лодя очень захотелось встать и уйти. Ведь Маша не скажет, что это он выпустил быки, а следовательно, и отвечать ему не придётся. Но только Лодя подумал об этом, как на душе его сделалось невыносимо мерзко.

А что, если Маша не заблудилась? Что, если его сейчас ищут десятки колхозников, вожатые, старшие пионеры? Может, все они только и надеются, что он, Лодя, не струсит, задержит быка. И, уж конечно, Маша-то уверена, что он не подведёт...

Лодя понял: если он сейчас покинет Берендея, то никогда потом не избавится от презрения к самому себе.

Лодя встал со своего пня и подошёл поближе к Берендею. Уже совсем настала ночь. Луни не всходила, но небо было по-летнему светлое, с чуть заметными звёздами.

Лодя смог разглядеть рога Берендея, торчавшие из-за чёрной крутой спины, и привязанную к ним верёвку, конец которой терялся в траве. Лодя вспомнил, как эта верёвка волочилась за быком во время блужданий по лесу. Длинной она были метра в три, может быть больше.

Лодя перевёл взгляд на тонкую сосенку, возле которой лежал Берендей. Хорошо бы набраться храбрости, подкрасться к быку и привязать его к этой сосенке! Тогда можно быть уверенным, что Берендей не уйдёт, если, конечно, его опять не раздражить. Но тут Лодя представил себе, как он подкрадывается к Берендею, а тот вскакивает и бросается на него. Спрятаться негде: только пни да редкие деревья с гладкими стволами. Лодя бежит, а бык всё ближе, ближе...

Долго стоял «человек без нервов» как вкопанный, не спуская глаз с верёвки на рогах Берендея. Сколько раз он рассказывал о своих выдуманных подвигах! Сколько раз он мечтал о том, как он совершит эти подвиги в действительности! И вот теперь, когда нужно совершить не подвиг, а просто смелый поступок, он...

Сердце у Лоди вдруг прерывисто заколотилось, холод куда-то исчез, ему стало душно. Лодя решился...

Маленькими, чуть заметными шажками, то и дело останавливаясь и задерживая дыхание, он начал подкрадываться к Берендею.

Чем ближе он подходил к быку, тем шажки становились короче, а остановки продолжительнее. Вот до Берендея осталось каких-нибудь пять метров.

Минуты через две это расстояние сократилось до трёх, ещё через несколько минут Лодя стоял возле сосенки, так близко от быка, что мог бы дотянуться до него своей палкой, которую он держал в руке, сам не зная для чего.

Берендей не двигался. Лишь округлые бока его слегка подымались и опускались от дыхания. Лодя по-прежнему видел только рога да ещё белые уши быка и не видел его головы, повернутой в сторону и скрытой за туловищем.

Лодя пошарил глазами в траве, отыскивая верёвку. Ему повезло: конец верёвки лежал недалеко от его ног. Не сходя с места, Лодя очень медленно присел, бесшумно положил в траву палку и дотянулся рукой до верёвки.

Потом он начал так же медленно подыматься. Верёвка тащилась за его рукой, и трава хотя очень тихо, но всё-таки шуршала.

Уши Берендея шевельнулись. Лодя замер, согнувшись в три погибели, но тут же понял, что долго так выстоять не сможет. Он потянул верёвку к себе, в одну секунду обмотал её вокруг сосенки и сделал первый узел.

Берендей повернул голову. Лодя знал, что верёвка развяжется, если он не сделает второго узла. Он отчаянно заторопился, руки его тряслись, он смотрел уже не на верёвку, а на Берендея и поэтому долго не мог просунуть конец верёвки в петлю. Наконец он затянул узел и побежал.

За его спиной раздалось страшное «хух», бык вскочил на ноги. Лодя слетел с бугра, перенёсся через луговину и остановился лишь тогда, когда добежал до милого его сердцу ельника.

Берендей стоял на прежнем месте. Через несколько минут он снова лёг. Лодя вернулся на бугор и увидел, что верёвка, которой он привязал Берендея, цела.

Удивительная лёгкость охватила «человека без нервов». Голод, холод, мокрые от росы тапочки — всё казалось теперь пустяками. Тёмный, безлюдный лес вдруг сделался уютным и ласковым.

Лодя опять спустился на луг и стал расхаживать по нему, дожидаясь рассвета, громко насвистывая «Марш тореадора» и дирижируя себе обеими руками.

Скоро, однако, он заметил, что к его свисту иногда примешивается какой-то посторонний звук. Он прервал свой концерт, прислушался, понял всё и протяжно закричал:

— Эй, сюда-а!

Пока люди, искавшие Лодю, наконец добрались до него, стало заметно светлее.

Первыми вышли из леса две девушки-колхозницы и пионервожатый Дима. Потом в другой стороне появился курчавый парнишка лет восемнадцати. Он вёл под уздцы неосёдланную лошадь, на которой сидела Маша, одетая в пальто.

Все окружили Лодю, что-то говорили, перебивая друг друга, а Маша, не слезая с лошади, тараторила о том, что просека оказалась не та и что она лишь в одиннадцать ночи попала в лагерь.

Курчавый парнишка оказался колхозным зоотехником. Он подошёл к поднявшемуся с земли Берендею, и тот потянулся губами к карману его пиджака, из которого торчал кусок хлеба. Угощая хлебом Берендея, зоотехник обернулся к Лодю:

— Это ты его привязал?

— А кто же ещё? — пожал плечами Лодя.

— Храбрый ты, однако!

Девушки удивленно заохали, а Маша замотала головой:

— Нет, Лодька, нет! Я всегда говорила, что ты сумасшедший! Ты не знаешь, какой ты сумасшедший!

Зоотехник отвязал быка и потащил его за собой.

— Нет, — восклицала Маша, — нет, Лодька, ты только скажи: что ты чувствовал, когда привязывал Берендея? Неужели ну вот ни капельки, ни капельки не было страшно?

Лодя с минуту молча шагал рядом с конём, потом поднял голову, посмотрел на Машу и медленно ответил:

— Что чувствовал? Чувствовал, как все поджилки трясутся. Вот что чувствовал!

1950

Белая крыса

Боря трубил в горн. Лёня бил в барабан. За ними шли Вава и Дима, а впереди выступала

звеньевая Таня Закатова.

Лоб её был перевязан бинтом (она недавно упала с дерева), на затылке торчала тёмная метёлочка волос. Эта метёлочка резко дёргалась, когда Таня оглядывалась на звено.

— Вава! Почему не в ногу?.. Димка! Отстаёшь!

Дело было серьёзное: Таня Закатова несла пакет с очень важным посланием. В этом послании сообщалось, что «карбиды», то есть пионерлагерь завода «Карбид», вызывают на спортивную игру «трикотажей» — пионерлагерь трикотажной фабрики № 2.

Неторопливо, торжественно шагало звено через маленький лес, разделявший оба лагеря. Трещал барабан, ревел горн, и с освещённых заходящим солнцем деревьев то и дело шархались в небо испуганные стаи грачей.

Дорога вышла из леса на большую поляну. В конце её стоял белый дом с башенками и остроконечной крышей. Ребята видели, как «трикотажи» сбегаются на линейку.

— Ждут! Знают, в чём дело! — сказала Таня. — Вавка, опять не в ногу!.. Димка, поправь галстук!.. Раз-два-три-четыре! Раз-два-три-четыре!

Они вошли в калитку и замаршировали мимо неподвижных рядов «трикотажей». Возле мачты с флагом их поджидал председатель совета лагеря Миша Бурлак. Таня остановилась перед ним.

Смолкли горн с барабаном. Стало совсем тихо. Председатель, толстый, солидный, исподлобья поглядывал на представительницу «карбидов», а она, тонконогая, худенькая, настороженно смотрела на председателя.

Что-то странное было в поведении председателя. Он старался стоять смирно и сохранять обычную солидность, но время от времени делал какие-то непонятные движения: то поводил плечами, то вдруг выпячивал живот, то совсем убирал его. Таня передала ему пакет, заклеенный смолой. Бурлак взял его и почему-то поднял правую ногу, согнув её в колене.

На линейке зашептались.

Председатель вскрыл пакет. Он опустил ногу, согнулся, точно у него болел живот, и стал торопливо читать дрожащим голосом, то и дело сбиваясь:

— «Отважным трикотажам от отважных карбидов.

Уважаемые храбрые трикотажи!

Мы, ваши соседи, отважные карбиды, предлагаем вам помериться ловкостью, выносливостью и смекалкой в большой игре. Игру предлагаем начать завтра, с восьми часов утра, и вести её до полной победы той или другой стороны.

Условия игры вам известны.

Примите заверения в большом к вам уважении...».

Миша читал, но никто не слушал его. Вытаращив глаза, все смотрели на левую ногу председателя: из короткой штанины его трусов медленно выползала... белая крыса.

— «... Примите... примите... заверения... в большом к вам...».

Крыса упала животом на землю, расставив короткие лапы. И в ту же секунду отчаянный визг раздался над линейкой. Два «трикотажа», сбитые с ног, покатались на землю. Чья-то фигура мелькнула над забором и скрылась за ним. Начался переполох. Полторы сотни ребят окружили председателя совета.

— Пустите-ка! В чём тут дело? Бурлак, что произошло?

Расталкивая ребят, к Бурлаку подошёл старший вожатый.

— Ни в чём не дело! — бормотал председатель. — Я её просто сунул за пазуху, а она — в трусы и на землю... А эта чего-то испугалась...

— Таня! — позвал вожатый.

Над забором показалась забинтованная Танина голова на тонкой шее. Она угрюмо уставилась на вожатого.

— Чудачка! Чего испугалась? Иди сюда!

— Не пойду, — ответила Таня.

Босоногие «трикотажи» запрыгали и захихикали:

— Трусиха! Крысы боится! От крысы удрала!

— Да, боюсь, — ответила Таня. — Пётр Первый храбрым человеком был, а тараканов боялся!

Вожатый поднял крысу и показал её Тане:

— Ну, Пётр Первый, я её уношу. Иди сюда!

...С кислыми лицами пустились «карбиды» в обратный путь. До калитки их провожали весёлые «трикотажи»:

— С самим Петром Первым завтра воюем!

— Пусть крыса нас сторожит! Ни один карбид не тронет!

До леса за ними бежал какой-то маленький мальчишка. Приплясывая, он пищал:

— Пётр Первый, а Пётр Первый! Пётр Первый!

В лесу Лёня легонько стукнул мальчишку барабаном по голове, и тот побежал домой.

— Оскандалились! — проворчал барабанщик. — Тоже ещё звеньевая! Крыс боится!

— Что-о? — Таня сразу остановилась и повернулась к нему. — Что ты сказал?

Крепкий, коренастый Лёня молча попятился.

— А ну-ка, перепрыгни!

Дорогу пересекала глубокая канава, через которую был переброшен мостик. Лёня пробормотал:

— Охота была ноги ломать!

Таня сошла с дорожки, разбежалась и, перелетев через канаву, упала на противоположной стороне.

Больше никто не роптал на звеньевую. Шли молча и быстро. Впереди было ещё одно очень важное дело.

* * *

Настала ночь. Заснули «трикотажи» в своей даче с остроконечными башнями. Погасли огни в деревенской школе, где жили «карбиды». Яркая кособокая луна поползла по мерцающему небу, и верхушки деревьев в маленьком лесу засветились голубоватым светом.

Внизу, под деревьями, было темно и тихо. Осторожно, в молчании пробиралась сквозь заросли пятерка разведчиков. Таня шла впереди, держа под мышкой фанерный ящик с самодельным телеграфным аппаратом. Вава несла рюкзак с провизией, а её брат Дима, такой же маленький и курчавый, как она, крепко прижимал к себе четвертную бутылку с кипячёной водой. Сзади всех двигались Боря и Лёня. Согнувшись и сдержанно кряхтя, они тащили большую катушку с проводом. Катушка медленно вертелась, чуть поскрипывая в ночной тишине, и чёрный сапёрный провод ложился на мокрую от росы траву.

Шли очень медленно. Ветки цеплялись, невидимые коряги хватили за ноги, какие-то прутья больно хлестали по головам. Крохотный лесок, такой уютный днём, теперь глухо ворчал сухим валежником под ногами и не хотел пропускать.

Исцарапанные, они вышли из леса на край маленького оврага, на дне которого журчал ручей. Сразу же за оврагом возвышался холм. На вершине его, чётко выделяясь на мерцающем небе, чернели три столба от сгоревшей сторожки и двускатная крыша заброшенного погреба.

Таня спустилась в овражек и перешла по камням ручей. За ней пошёл Дима. Он стал на камень посередине ручья, выбирая, куда бы шагнуть дальше, но вдруг зашатался, согнулся и быстро выпрямился. Раздался звон. Дима, опустив руки, застыл.

— Разбил! — тихонько вскрикнула Таня.

— Упала, — ответил Дима.

— Шляпа!

«Карбиды» шёпотом стали бранить Диму. Потом Боря сказал, что нужно сходить в лагерь и принести другую бутылку.

— Ну да ещё! — рассердилась Таня. — Будем всю ночь взад-вперёд бегать!.. Пошли!

Они переправились через ручей, взобрались на освещённую луной вершину холма и остановились там, молчаливые, настороженные. У мальчиков были низко надвинуты на лбы кепки и у всех подняты воротники пальто.

За холмом тянулась поляна, голубая от лунного света. В дальней стороне её, окружённый с трёх сторон тёмными соснами, белел дом «трикотажей». Боря зачем-то снял кепку. На его макушке, как перо индейца, торчал одинокий прямой вихор.

— Спят и не знают, что мы им готовим, — прошептал он.

Все молча кивнули головами и продолжали смотреть на белый дом.

Завтра начнётся игра. Завтра отряды «карбидов» и «трикотажей» с красными и синими повязками на руках станут ползать в лесу, стараясь пробраться к лагерю «противника» и похитить флажок, спрятанный в условном месте. И всё это время пятеро отважных разведчиков будут сидеть на холме под самым носом у «неприятеля». Они будут следить за каждым движением «противника» и сообщать обо всём по телеграфу в свой штаб. Это придумала Таня.

— Пошли! — тихо скомандовала она. — Борис, Лёнька, тяните провод!

«Карбиды» в молчании направились к погребу. Один за другим вошли в низенькую дверь между скатами крыши. Таня включила карманный электрический фонарь.

Наземная часть погреба была пуста. В середине дощатого пола чернел открытый люк. Ребята, стоя вокруг него на четвереньках, заглянули вниз.

В глубокую яму вела приставная лестница. На дне ямы при слабом свете Таниного фонарика ребята увидели пустые деревянные кадки.

— Капусту квасили, — прошептала Вава.

Лёня поправил кепку, съехавшую на нос, и тихонько засмеялся:

— Танька! А вдруг здесь крысы есть!

— Не испугаешь. Они бы здесь с голоду подошли. Чем языком болтать, устанавливай аппарат.

Вскоре телеграфный аппарат с электромагнитом от звонка, роликом от пишущей машинки и бумажной лентой, нарезанной из газетных полей, стоял в углу под скатом крыши. Сидя возле него на корточках, ребята смотрели, как Лёня делал пробу.

— Передай, — сказала Таня: — «Погреб заняли, невзирая на трудности. Сообщите, как принимаете. Начпункта Закатова».

Лёня снял кепку, склонил стриженую голову над аппаратом и стал нажимать на ключ, тихо приговаривая:

— Точка, тире, тире, точка... Тире, тире, тире... Лёня передавал эту телеграмму минут пять и весь взмок от напряжения. Под конец он сообщил, что переходит на приём, и повернул какой-то рычажок. Теперь все смотрели на якорь магнита с карандашным графитиком. Вот он слегка дёрнулся. Лёня взял пальцами кончик бумажной ленты и стал тянуть её к себе.

Где-то за лесом, в комнате у вожатого «карбидов», дежурный телеграфист лагеря Сеня Жуков стучал ключом, а здесь на бумажной ленте появились слабые чёрточки и точки. С трудом разбирая их при свете фонаря, Лёня читал:

— «При-маем хшо. Же-ла-ем у-пе-ха. Дежурный связе-е-ет Жуков».

Вава тихонько засмеялась и тихо захлопала в ладоши.

— Работает! — шептали «карбиды». — Работает!

После испытания аппарата они разместились по разным углам, и Таня потушила фонарь.

Стало совсем темно. Только щели в крыше светились слабым ночным светом. Ребята притихли каждый в своём углу. Было слышно, как журчит ручей под холмом и пищит одинокий комар, залетевший в погреб. Так прошло полчаса.

— Товарищи! Вы не спите? — зашептал вдруг Боря.

«Карбиды» возмущённо заворчали в темноте:

— Мы и не думали засыпать!

— Знаете что? Вот все наши ребята спят сейчас в тёплых постелях, а мы тут бодрствуем, как на передовых позициях... А, товарищи?

— Угу! — отозвался кто-то.

Таня заворчалась где-то возле двери:

— Слушайте-ка! А что бы нам такое совершить?

— Совершить?.. Что совершить?

— А вот: нас с нашим лагерем соединяет только провод. И вот бы по этому проводу послать депешу: «Сегодня, положим, в ноль часов пятьдесят минут, разведчики такие-то совершили то-то и то-то». Что-нибудь особенное, подвиг, понимаете?

Эта мысль всем понравилась. «Карбиды» стали придумывать, какой бы совершить подвиг.

— Нет! — сказал Лёня. — Таковую депешу послать: «Сегодня ночью разведчики такие-то пробрались... в это... как его... в месторасположение неприятеля и... сделали чего-нибудь такое».

— А что именно сделали? — спросил Боря.

— Ну, какой-нибудь диверсионный акт.

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — У них там две овчарки и ночной сторож. Они такой «диверсионный акт» покажут, что просто ужас!

— И вообще нельзя: игра ещё не началась, — сказала Таня.

Долго ломали голову «карбиды».

Постепенно щели в крыше посветлели. На полу стало заметно чёрное пятно люка, а по углам — смутные фигуры ребят. Они сидели кто на корточках, кто просто на полу и поёживались от утреннего холода.

— Закусим? — предложил Боря.

Вава развязала мешок. Она вынула оттуда буханку хлеба и несколько варёных картофелин. Затем, хитро посмотрев на ребят, извлекла одну за другой пять сушёных вобл.

— Сама достала, в сельпо! — сказала она важно, раздавая ребятам порции на салфетках из

газеты.

Разведчики принялись громко чмокать, обсасывая косточки воблы и продолжая вслух мечтать о подвиге.

— Хоть бы гроза какая-нибудь! — говорила Таня, держа двумя пальцами рыбий хвост. — «В районе наблюдательного пункта разразилась гроза. Погреб затоплен. Продолжаем наблюдение по колено в воде».

— А по-моему, лучше так, — предложил Боря: — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Огромное дерево упало рядом с погребом. Продолжаем наблюдения».

— Нет! Не так! Вот как! — Лёня даже приподнялся. — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Молния ударила в погреб. Часть разведчиков оглушена. Продолжаем наблюдения среди дымящихся развалин».

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — Если всё это случится, вожатые прогонят нас отсюда и прекратят игру.

* * *

Прошло часа три. Щели в крыше стали золотистыми, и от них протянулись сизые лучи, в которых плавали блестящие пылинки. Мрачную картину осветили они.

Бледные, осунувшиеся, ребята сидели вытянув шеи, поминутно делая судорожные глотательные движения. Клочки газеты, обглоданные рыбы кости и картофельные очистки валялись на полу.

Прижавшись затылком к стене и перекатывая голову с одного плеча на другое, Лёня громко, с надрывом шептал:

— Ну прямо все кишки выжгло!.. Прямо, наверно, какое-нибудь воспаление теперь начинается! — И, уставившись на Таню злыми глазами, сказал: — Ну, чего тебе сделается, если я к ручью сбегая?

— Не пуцу. Трикотажи увидят, — в десятый раз повторила Таня.

— «Увидят»! Они ещё спят преспокойно, а ты здесь мучайся!

Таня, бледная, решительная, стояла на коленях, загораживая собою дверь:

— Все хотят пить. И я не меньше тебя.

— «Не меньше»! Две кружки чаю за ужином выпила, а я...

— Не пуцу! Понятно?

Боря молча слушал этот разговор. Длинная физиономия его ещё больше вытянулась. Вава коротко всхлипывала, точно икала, а её брат сидел неподвижно, страдальчески подняв маленький нос и большие тёмные глаза.

Вдруг Боря поднялся:

— Товарищи! Зачем ссориться? Если каждый станет бегать к ручью и обратно, то нас могут

заметить. Но кто-нибудь может взять рюкзак и принести воду для всех.

— Правильно! Он брезентовый и не протекает.

— И очень хорошо! И великолепно! — одобрительно запищала Вава.

— Не пушу!

Но тут терпение у «карбидов» лопнуло. Лёня, согнувшись, подошёл к звеньевой. Вава вскочила на ноги. Злое лицо её выглядывало из-за Лёниной спины. Шагнул вперёд и Боря с торчащим вихром.

— Что ж, нам здесь помирать? — мрачно спросил Лёня.

— Не пушу!

— Кричала, кричала о подвиге, а как до дела дошло — одного человека боишься выпустить!

— Не пушу!!

— Ой, девочки, какая странная у нас звеньева! Крыс боится, трикотажей боится и всего боится!

Лёня бил себя кулаком в грудь:

— Ну, меня, меня пусти! Я так проползу, что...

— Уж ты проползёшь! Знаем тебя!

— Ну, сама иди!

— И сама не пойду.

Лёня подошёл к ней поближе. Неожиданно мягким, ласковым голоском он спросил:

— Струсил?

— Струсил? — пискнула Вава.

Таня вскочила, стукнулась головой о крышу и, держась за макушку, отчеканила:

— Давайте мешок!

— Вот и прекрасно! Вот и прекрасно! И ничего такого не случится, — миролюбиво заговорила Вава, вытряхивая из рюкзака остатки провизии.

Таня сняла пальто и взяла мешок.

— Струсил, говоришь?

Она открыла дверь, согнулась, чтобы не стукнуться снова о притолоку, сделала шаг вперёд, остановилась на секунду... и вдруг, резко дёрнувшись назад, закрыла дверь.

— Чего ты? — удивились ребята.

— Стоят! — чуть слышно ответила Таня.

Все бросились к стене и приникли к щелям в досках. Даже Дима перестал «умирать».

Повертев удивлённо головой, он поднялся и подбежал к двери.

На крыльце дома «трикотажей» стояли двое мальчишек с полотенцами через плечо: один — маленький, другой — большой. Маленький, протянув руку, показывал на погреб.

«Карбиды» бросились прочь от стены.

— Идут!

— Ой, девочки, прямо сюда идут!

С минуты они металась по погребу, стучаясь головами о скаты крыши.

— В люк! В бочки! — скомандовала Таня. — Всё убрать!

Пальто, катушка из-под провода, рюкзак, очистки картошки, рыбы головы и хвосты полетели вниз, в глубину погреба.

Лёня отцепил аппарат от провода и съехал на животе по шаткой приставной лестнице вниз. За ним скатились остальные. Кряхтя, толкаясь, «карбиды» убрали лестницу и спрятали её за бочки, лежащие двумя рядами у стен. Бросили туда же свои вещи и остатки провизии. Затем каждый забрался в бочку и все затихли.

Прошла минута, может быть две. Вот наверху скрипнула дверь. Послышались два приглушённых голоса. Один, солидный, басистый, похожий на голос Бурлака, сердито спросил:

— Ну, где твой карбиды?

Другой, тонкий, ответил негромко, но горячо:

— Честное пионерское, видел! Эта, ихняя... Пётр Первый. По ковбойке узнал. Открыла дверь, а потом сразу как захлопнет... А за ней ещё какие-то... Сам видел.

— Сколько? — спросил председатель.

— Десять... Нет, Мишка, человек двадцать! Так и высматривают, так и высматривают!

— Врёшь, — лениво сказал Бурлак.

— Ну вот тебе честное-распречестное слово! Знаю, где они! Внизу сидят.

Притихшие в бочках «карбиды» услышали, как два «трикотажя» подобрались к люку.

— Эй! — басом крикнул маленький мальчишка.

Лёнина бочка лежала против Таниной. Он взглянул на звеньевую. Таня сидела согнувшись, поджав под себя колени, прикусив кончик языка. Один глаз её был закрыт прядью волос, другой неподвижно смотрел куда-то вверх.

— Эй, Пётр Первый! Всё равно знаем — в бочках сидите.

Ребята даже дышать перестали. Затекли ноги, болели спины, а шевельнуться было нельзя: при малейшем движении бочки качались.

— В бочках сидят! Честное пионерское, в бочках! Бежим подыдем тревогу! Это разведчики ихние!

— Чудак ты, право, человек! Подыдем тревогу, а здесь никого не окажется. Смешно прямо!

— Давай спрыгнем, посмотрим.

— И поломаем шеи!

— Ну, давай я один спрыгну, собой пожертвую. Хочешь?

— Собой жертвовать нетрудно. А ты попробуй без жертв захватить. Это другое дело.

— А как... без жертв?

Два «трикотажа» стали шептаться так тихо, что «карбиды» ничего не могли услышать. Потом маленький хихикнул и спросил:

— На верёвке?

— Ну да, — ответил Бурлак.

Они опять зашептались.

— Ладно, сторожи. Я сейчас! — громко сказал Бурлак и вышел из погреба.

Некоторое время стояла полная тишина. Было слышно, как над люком дышит и шмыгает носом маленький «трикотаж». Вдруг он поворочался наверху и довольным тоном объявил:

— А Мишка за белой крысой пошёл!

«Карбиды» почуяли недоброе. Лёня снова взглянул на Таню. Она ещё больше сжалась в своей бочке.

— Эй, Пётр Первый, выходи лучше! — угрожающе крикнул «трикотаж».

«Карбиды» молчали. Сердца их отчаянно бились. Хотелось шумно, глубоко вздохнуть, а мальчишка над люком, как назло, притих.

Прошло минут десять. Наверху раздались шаги, и снова послышался шёпот:

— Зачем за ногу? За хвост!.. Осторожней, дурак, уронишь!.. Потихоньку! Потихоньку!

Между бочками Лёни и Тани появилась в воздухе белая крыса. Вертась и покачиваясь, суча розовыми лапками, она медленно опускалась, привязанная на шпагате за хвост. Вот она заскребла передними лапками земляной пол и села, поводя острой мордой с подвижными усиками.

— Эй, Пётр Пёрвый, выходи! Хуже будет!

Таня, бледная, закусив губы пристально смотрела на крысу. Сжатые кулаки её с острыми

косточками дрожали.

Шпагат натянулся и дёрнул крысу за хвост. Та поползла в сторону Лёни, волоча за собой верёвку. Лёня знал, что белые крысы не боятся людей. Так оно и оказалось. Крыса вошла в бочку и, наступив лапой на Лёнин мизинец, стала его обнюхивать. Лёня приподнял было другую руку, чтобы схватить крысу и не пустить её к Тане, но вспомнил, что «трикотажи» могут дёрнуть за верёвку, и раздумал.

Шпагат снова натянулся и вытащил крысу в проход между бочками.

— Так все бочки обследовать! Понимаешь? — услышали ребята шёпот Бурлака.

— Есть все бочки обследовать!

Белая крыса бесшумно ползала по дну погреба.

Она то заползала в одну из бочек, то снова появлялась на чёрном земляном полу, и пять пар внимательных глаз, скрытых от «трикотажей», следили за каждым её движением.

Вот она снова очутилась между Лёней и Таней и снова направилась к Лёне.

Верёвка натянулась. Крыса остановилась, а потом повернула к Тане.

Бочка, в которой сидела Вава, качнулась. К счастью, «трикотажи» не заметили этого.

Таня крепко зажмурила глаза. Всё сильнее и сильнее дрожали её сжатые кулаки и худенькие плечи.

Крыса часто останавливалась, сворачивала в сторону, но всё же приближалась к ней. Вот она вошла в бочку, обнюхала дрожащий кулак и, неожиданно вскочив на Танину руку, стала карабкаться на плечо. Не разжимая глаз, Таня широко открыла рот, и Лёня понял, что сейчас раздастся тот истошный, пронзительный визг, который раздался вчера вечером на линейке «трикотажей». Но визга он не услышал. Таня сжала зубы и больше не делала ни одного движения. А крыса забралась на её плечо и подползла к шее. Её белые усики шевелились возле самого Таниного уха.

Снова дрогнула бочка, в которой сидела Вава. Лёня не боялся крыс, но по спине его бегали мурашки, когда он смотрел на звеньевую.

Где-то далеко прозвучал горн. В ту же секунду крыса вылетела из бочки. Дрыгая лапами, она взвилась вверх и исчезла.

— Хватит дурака валять! — проворчал над люком Бурлак.

— Да честное пионерское, мне показалось... — уже совсем неуверенно сказал его товарищ.

— Мало чего тебе показалось! Сначала проверь, потом подымай панику. Идём!

И «трикотажи» ушли из погреба.

Один за другим вылезли из бочек измученные, грязные «карбиды». Они собрали свои вещи и приставили лестницу. Никто из них не сказал ни слова.

Молчали они и наверху. Лёня стал прикреплять концы проводов к аппарату, остальные сели по

своим местам и приникли к щелям между досками.

От пережитого волнения жажда усилилась. Каждому казалось, что вот-вот потрескается кожа на языке. Но все молчали и время от времени поглядывали на Таню. Она стояла на коленях перед дверью и не отрывалась от щели.

— Аппарат готов, — тихо сказал Лёня.

Звеньевая молчала, по-прежнему глядя в щель.

Перед белым домом выстроились четырехугольником «трикотажи». Опять заиграл горн. Послышалась дробь барабана, и красный, горящий на солнце флаг рывками поднялся вверх.

— Передай, — не оборачиваясь, сказала Таня: — «Флаг у противника поднят».

Лёня облизнул пересохшие губы и прислушался к слабому журчанью ручья под холмом. Он знал теперь, что он и его товарищи будут слушать это журчанье три часа, пять, может быть восемь, и никто из них не скажет ни слова о том, что хочется пить.

Склонив голову к аппарату, Лёня стал медленно нажимать на ключ, шепча про себя:

— Точка, точка, тире, точка... точка, тире, точка, точка... «Флаг у противника поднят!»

1940

Райкины пленники

Раздался резкий, деловитый звонок. Рая вытерла руки о салфетку, повязанную вместо фартука, и открыла дверь. Вошёл семиклассник Лёва Клочков.

— Привет! — сказал он, снимая шубу. — Дома?

— В ванной сидит, — ответила Рая и ушла обратно в кухню, на ходу заплетая косички.

В квартиру недавно провели саратовский газ. Боря на первых порах принимал ванну раза по четыре в день. Вот и теперь он стоял перед умывальником, распарившийся, розовый, и, глядя в зеркало, водил расчёской по светло-жёлтым, торчащим ёжиком волосам.

— Здравствуй! — сказал он, не оборачиваясь, когда Лёва вошёл. — Ты хорошо сделал, что рано явился. У меня есть один проект.

— Именно? — коротко спросил Лёва.

Глядя в зеркало через плечо товарища, он прищёпнул ладонью вихор на макушке, поправил белый воротничок и красный галстук, подтянул застёжку-молнию на чёрной блузе.

Друзьям нужно было иметь безукоризненный вид. Доктор географических наук профессор Аржанский обещал присутствовать сегодня на заседании школьного краеведческого кружка. Лёва и Боря должны были поехать за профессором и проводить его в школу.

Боря положил расчёску на умывальник:

— Понимаешь, хочу сегодня выступить. Надо произвести чистку в кружке. Ты как думаешь?

Лёва давно тренировался, выработывая в себе два качества: способность оставаться невозмутимым при любых обстоятельствах и привычку выражаться кратко.

— Дельно! — сказал он.

— Так при профессоре и заявлю, — продолжал Борис: — «Или, товарищи, давайте кончим всё это, или давайте работать как следует»... На носу лето [11], походы, а тут возись с такими... вроде Игоря Чикалдина. Спорим, что он не сможет правильно по компасу идти.

Лёва кивнул головой:

— Факт.

— Ну вот! А Юрка Говоров топографии не знает, костра в дождливую погоду развести не умеет. Спрашиваю его однажды: «Как сварить суп на костре, не имея посуды?» Молчит как рыба. Ну куда нам такие!

— Балласт [12], — согласился Лёва.

Боря передохнул немного и продолжал:

— Это ещё ничего. Есть люди и похуже. Звоню как-то Димке Тузикову по телефону: «Почему не явился на занятия по добыванию огня трением?» — «Мама, — отвечает, — не велела». Чего-то там делать его заставила. Ничего себе, а? Самостоятельный человек называется!

— Смешно... — пожал плечами Лёва.

— Так вот, мы сейчас до профессора зайдём к Виктору, посоветуемся и все трое выступим на собрании.

— Боря! Борис! — закричала Рая из кухни.

— Что тебе?

— Борис, никуда не уходи: нужно сначала мясо провернуть в мясорубке.

— Вспомнила! Нужно было раньше попросить! Мне некогда.

Рая появилась в дверях ванной, держа большую ложку, от которой шёл пар:

— Боря, я тебя уже просила, а ты всё «некогда» и «некогда». Проверни мясо! Мясорубка тугая, я сама не могу, а мама ушла и велела приготовить котлеты.

Боря уставился на неё, сдвинув светлые, чуть заметные брови:

— Слушайте, Раиса Петровна! Вам русским языком говорят: я тороплюсь, у меня поважнее дело, чем твой котлеты. Всё! Можете идти.

Но Раиса Петровна не ушла, а, наоборот, шагнула поближе к брату:

— Боря, вовсе я никуда не пойду, и ты тоже никуда не уйдёшь, пока не провернёшь мясо. Вот!

Боря повысил голос:

— Со старшими таким тоном не говорят! Ясно? Ну!.. Марш!

Взяв сестрёнку за плечи, Борис повернул её к себе спиной и легонько толкнул.

— И очень хорошо! И прекрасно! — закричала та удаляясь. — А ты всё равно не уйдёшь!

Боря сел на стул и принялся надевать носки.

— Маленького нашла... — ворчал он. — Брось всё и верти мясорубку! Распоряжается чужим временем!

Мальчики вышли из ванны. В коридоре они встретили Раю, которая несла под мышкой большую книгу.

— Сейчас, — сказал Борис, войдя в комнату. — Ещё две минуты, и я готов. — Он взял со стула парадные брюки и сунул правую ногу в штанину. — Да, Лёвка, сегодня поборемся! Кому-то жарко станет, кому-то... — Он замолчал и опустил глаза вниз, на брюки. — Гм! Что за чёрт... Смотри!

На брюках не было ни одной пуговицы! Приятели молча посмотрели друг на друга и подошли к висевшему на спинке стула пиджаку: там тоже пуговиц не оказалось.

Боря взъерошил волосы:

— Что за чёрт! А?

— Срезаны, — хладнокровно сказал Лёва и кивнул на обеденный стол: там лежали пуговицы и ножницы.

Боря покраснел так, что лицо его стало темнее волос. Торопливо скинув брюки, он в одних трусах отправился в коридор.

Лёва последовал за ним.

— Р-раиса!

— Чего тебе? — слышалось за дверью ванной.

Боря толкнул дверь, но она оказалась запертой.

— А ну, открой!

— Не открою, — ответила Раиса.

— Ага, понятно! Ты срезала пуговицы?

— Ну, я срезала.

— Зачем? Отвечай!

— Чтобы ты мясо провернул. Мне котлеты надо готовить.

Боря загрохотал кулаками по двери и закричал таким голосом, что кошка свалилась с новой газовой плиты:

- Раиса! Выходи немедленно! Слышишь!
- Вовсе я не выйду. Что я, сумасшедшая?
- Выходи сию минуту и пришей пуговицы!
- Проверь мяо, тогда пришью.

Громко дыша, Боря прошёлся по кухне и остановился перед Лёвой:

- Как тебе нравится, а?

Тот не потерял своего хладнокровия.

- Не волнуйся, — сказал он. — Психологию знаешь? Запри её самоё.

С наружной стороны двери была щеколда. Боря заложил её и громко сказал:

- Вот! Получай, Раиса! Будешь сидеть здесь, пока наши не придут.

- И пожалуйста! Я с собой «Двух капитанов» взяла.

Услышав такой ответ, Боря пал духом. Опять он в отчаянии воззрился на Лёву.

- Теряться нечего, — сказал тот. — Пришьём сами.

Друзья вернулись в комнату. Они решили, что Боря станет пришивать пуговицы на брюках, а Лёва — к пиджаку. Но в шкатулке нашлась только одна иголка. Борис оторвал от катушки нитку и подошёл к лампе, висевшей над столом. Он слюнил нитку, разглаживал её между пальцами, задерживал дыхание, но нитка не лезла в ушко иголки. Стоя возле него, Лёва советовал:

- Не волнуйся! Возьми себя в руки и не нервничай. Ты волнуешься — и ничего не выходит.

Борис наконец рассвирепел.

- На! Сам не волнуйся! — крикнул он и сунул иголку с ниткой Лёве в руки.

Тот рассмотрел как следует нитку и заявил, что она чересчур толста.

Боря достал другую нитку. Она, правда, была розовая, но зато её быстро проделали в ушко.

Лёва посмотрел на часы.

— Семь минут прошло, — сказал он.

Пришивая пуговицу, Боря пять раз уколол себе палец и четыре раза порвал нитку.

— А теперь четыре минуты прошло, — сказал Лёва, разглядывая его работу. — Гм!.. Ты волнуешься и не туда пришил.

— Чего ты мелешь... «не туда»! Где не туда?

— Вот видишь, где петля, а где пуговица!

Лёва отпорол пуговицу и взялся пришивать её сам. Он работал с большим самообладанием, пришил пуговицу правильно и затратил восемь минут. После этого он встал со стула и размеренными шагами прошёлся по комнате.

— Безнадёжно, — сказал он.

— Ничего не безнадежно! — отозвался Борис. — У нас целый час времени.

Лёва пожал плечами:

— Простая арифметика! Времени — час. От тебя до профессора — пятнадцать минут. От профессора до школы — столько же... На одну штуку мы затратили... семь плюс четыре и плюс восемь... затратили девятнадцать минут... Теперь, конечно, дело пойдёт быстрее. Натренировались. Считай — по пятнадцати минут. На брюках их пять, а на пиджаке — четыре. Простой расчёт!..

Вторые Борины брюки мать распоролла для перелицовки. Были у него ещё одни, но все в заплатках. Боря пришёл в страшную ярость. Он кричал, что сегодня же оторвёт Раисе уши, что

отныне не скажет с ней ни слова и что, если родители не перевоспитают её немедленно, он уйдёт из дому.

— Криками не сможешь, — сказал Лёва. — Возьми себя в руки и пойдёшь поговори. Подействуй на неё силой убеждения.

Товарищи снова очутились в кухне. Боря заговорил негромко и очень сдержанно:

— Рая! Раиса, ты слышишь?

— Ну? — ответили из-за двери.

— Раиса, я тебя, так и быть, выпущу, но чтобы это было в последний раз! Понимаешь?

— Понимаю. А я не выйду.

Боря вздохнул, подтянул трусы и продолжал уже совсем кротко:

— Рая, послушай-ка, ты ведь не маленькая, так? Мне нужно скоро уходить, а...

— И уходи. Кто тебя держит?

Лёва заглянул в замочную скважину и сказал убедительным тоном:

— Рая, нужно всё-таки сознавать! У Бориса очень важное дело.

— Котлеты тоже важное дело. Отец придёт с работы — что он будет есть?

Семиклассники помолчали в раздумье.

— Глупо! — тихо сказал Лёва.

— Что — глупо? — так же тихо сказал Борис.

— К чему ты затеял всю эту возню? Провернул бы мясо — и дело с концом!

Борис долго грыз ноготь на большом пальце, потом открыл щеколду:

Напрасно товарищи упрашивали Раису выйти.

— Ну ладно, Райка! Выходи. Мы провернём.

— Нет, вы сначала проверните и покажите мне. Я встану на умывальник и посмотрю в окно.

Под потолком в стене ванной было застеклённое окно. Напрасно товарищи упрашивали Раису выйти немедленно, говоря, что этак она не успеет пришить пуговицы. Рая стояла на своём. Делать было нечего! Два авторитетных члена краеведческого кружка покорились. Мясорубка

была неисправная и очень тугая, но Боря вертел её с такой быстротой, что килограмм говядины очень скоро превратился в фарш. Лицо Бориса блестело от пота, но голос его стал по-прежнему строгим, когда он заговорил:

— Вот тебе мясо. Кончай эти штучки и выходи!

В ванной послышался какой-то шорох: это Раиса лезла на умывальник. Скоро её голова показалась за стеклом окна.

— Вот! — сказала она. — И стоило из-за этого столько спорить!

— Хватит болтать! Выходи!

Но Рая не вышла.

— Погодите, — сказала она. — Я с вами потеряла много времени, а мне нужно ещё снять бельё с чердака. Пойдите на чердак и снимите.

Боря чуть не уронил тарелку с фаршем.

— Издеваешься! — сказал Лёва.

— Раиса! Ты эти штучки брось, ты меня знаешь! Лучше брось!

— Вовсе я не издеваюсь. Мне одной раза четыре пришлось бы на чердак подниматься, а вы вдвоём сразу всё бельё унесёте. А я буду обед готовить.

Борису очень хотелось плюнуть на всё и взять Раису измором [13], проучить хорошенько эту девчонку.

Но он подумал, как будет глупо, если он не попадёт к профессору и на заседание кружка. И из-за чего! Из-за каких-то пуговиц и упрямой сестрёлки!

Кончилось дело тем, что они с Лёвой отправились на чердак, принесли оттуда бельё и показали его Раисе.

Краеведы слышали, как она спрыгнула с умывальника.

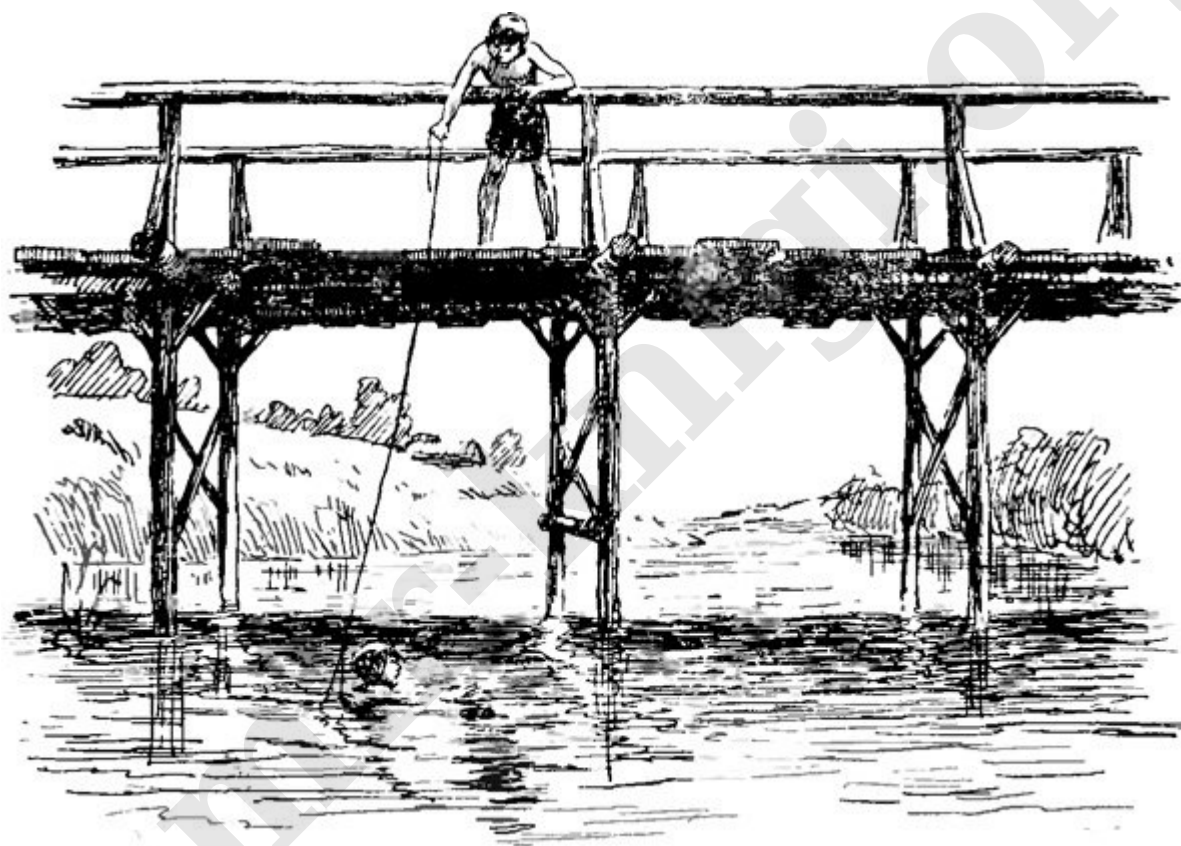
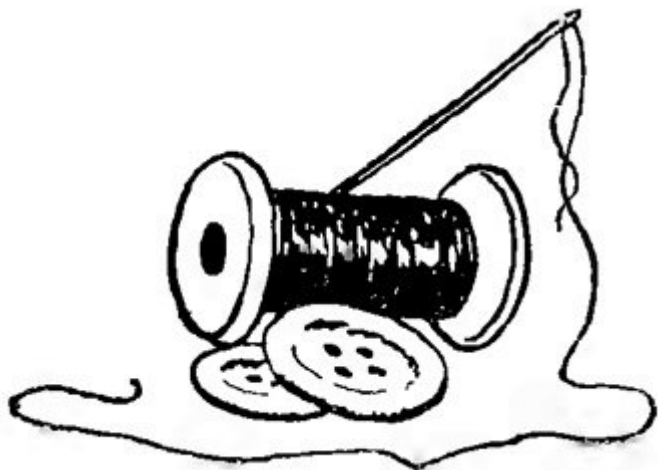
— Увидишь, — шепнул Борис товарищу, — только пришлёт пуговицы, все уши оторву! — Он посмотрел на дверь и сказал громко: — Ну, Раиса!

— А теперь... теперь самое последнее, — решительно заговорила Рая. — Теперь знаете что? Теперь повторяйте оба вместе: «Мы даём честное пионерское слово, что даже пальцем не тронем Раю, когда она выйдет из ванной».

Повторять эту фразу было для краеведов труднее всего. По они всё же повторили её замогильными голосами.

Щёлкнула задвижка, дверь открылась, и Рая быстро прошла мимо краеведов.

Через пятнадцать минут друзья вышли из дому. За всю дорогу они не сказали ни слова, и на бурном заседании краеведческого кружка оба хранили угрюмое молчание.

Учитель плавания

Мы с Витей Гребнёвым и ещё пятнадцать ребят из школьного туристического кружка собирались в большой лодочный поход по речке Синеи. Нам предстояло подняться вверх по течению на семьдесят километров, а потом спуститься обратно.

Грести против течения — дело нелёгкое, особенно без тренировки. Но тут-то нам с Витей и повезло. За две недели до начала похода муж моей сестры купил двухвесельную лодку. Он позволил нам кататься на ней, пока у него не начался отпуск. И вот мы с Витей уже несколько дней тренировались в гребле.

Правда, тренировался больше я один. Витя — малый упитанный, грузный и не то чтобы ленивый, а какой-то слишком уж спокойный. Он предпочитал быть за рулевого. В одних трусах,

в огромной соломенной шляпе, привезённой его мамой из Крыма, он сидел на корме, правил и командовал:

— Вдох, выдох! Вдох, выдох!

Я размеренно грёб, стараясь правильно дышать и не зарывать вёсел в воду.

Хорошо было в тот день на речке! Слева медленно полз назад высокий, обрывистый берег, на котором среди зелени белели домики городской окраины. Справа берег был низкий, заболоченный. Там у самой воды, словно тысячи зелёных штыков, торчали листья осоки; за осокой тянулся луг, а за лугом виднелись ржаные поля. Иногда к нам на борт садилась отдохнуть стрекоза или бабочка, иногда из воды выскакивала рыба, словно для того, чтобы взглянуть, кто это плывёт на лодке.

Мы проплыли под небольшим пешеходным мостиком. Здесь город кончался. Дальше на левом берегу зеленели огороды, а внизу, под обрывом, тянулся узкий пляж с чистым песком. По выходным дням на этом пляже собиралось много купающихся, но сейчас тут было только два человека: Серёжа Ольховников и Женя Груздев.

Мы причалили недалеко от них, вытащили лодку носом на берег и сели на песок, но ни Серёжа, ни Женя нас не заметили. Они стояли метрах в трёх от берега. Долговязому Сергею вода была по грудь, а коротенькому Женьке — по горло. Оба они отплёвывались, тяжело дышали, и лица у них были совсем измученные.

— Ты... ты, главное, спокойней! — говорила торчащая из воды Женькина голова. — Ты не колоти пр воде, а под себя подгребай, под себя подгребай!

Сергей ничего не отвечал. Он смотрел на Женьку злым левым глазом. Правый глаз его был закрыт длинным мокрым чубом, прилипшим к лицу.

— Давай! — сказала Женькина голова. — Ещё разочек. Главное, спокойно!

Сергей лёг ни воду и с такой силой заколотил по ней длинными руками и ногами, что брызги полетели во все стороны метров ни пять, а Женькина голова совсем исчезла в белой пене. Но он продолжил выкрикивать:

— Спокойно!.. Подгребай! Не торопись, под себя подгребай!

Сергей быстро пошёл ко дну. Женька хотел его поддержать, но по ошибке схватил не за руку, а за ногу.

Наконец они вылезли на берег. У обоих кожа были синяя и покрыта пупырышками. Они теперь заметили нас, но даже не поздоровались. Сергей сел на песок рядом с Витей, обхватив ноги руками и положив подбородок на колени. Женька остался на ногах. Оба они стучали зубами.

— Не па-па-па-падай духом! — сказал Женька. — Постепе-пе-пенно научишься.

— По-по-подохнешь от та-такой науки!

Мы с Витей переглянулись. Витя лёг ни спину и стал пригоршнями сыпать песок себе на грудь.

— Да, Серёженька, — сказал он, — хорошую шуточку с тобой твой друг устроил!

— Убить его ма-ма-мало, та-та-такого друга!

Мы с Витей опять переглянулись, и я подумал про себя: «Кому-кому, а Витьке повезло в дружбе. Кто-кто, а я-то уж никогда не подведу его, как Женька подвёл Сергея».

Сергей и Женька тоже собирались в лодочный поход. Пеших экскурсий и походов в нашей школе всегда проводилось очень много, а лодочный устраивался впервые. Нечего и говорить, с каким увлечением мы все к нему готовились, с каким нетерпением ждали первого июля, на которое был назначен старт. Сергей был одним из самых заядлых наших туристов, а тут он прямо помешался на лодках, на рыболовных снастях, на всяких фарватерах [14], ватерлиниях [15] и кильватерных [16] колоннах.

Дней за десять до начала похода все собрались в пионерской комнате. Начальник похода — учитель географии Трофим Иванович распределил обязанности и сказал, какие вещи нужно взять. Вдруг он приложил ладонь ко лбу:

— Да, товарищи, о самом главном я и забыл! Поднимите руку, кто не умеет плавать!

Никто не поднял руку. Я знал, что Витя плавать не умеет, но, конечно, не стал его выдавать. А Женька вдруг повернулся к Сергею и громко сказал:

— Серёжка! Ну, чего ты прячешься? Ты же не умеешь плавать!

Сергей страшно покраснел. Он так посмотрел на Женьку, что у другого язык отнялся бы, но Женька продолжал:

— Чего ты злишься, Серёжка? Ну, чего ты злишься? Скажешь, конечно, что я плохой товарищ, раз тебя выдаю! А я тебе отвечу: ведь до похода не два дня, а целых десять — значит, ты можешь научиться плавать. Ты вот всё говоришь, что уже учился, что у тебя ничего не получается, потому что ты худой, но тяжёлый и что у тебя удельный вес слишком большой для плавания. А я тебе скажу: враки всё это. Просто у тебя настойчивости нет. Ну и вот! Случится с тобой что-нибудь, на чьей совести это будет? На моей.

— Евгений прав, — сказал Трофим Иванович. — Делу помочь нетрудно, я уже договорился с Василием Васильевичем. Ты завтра, Сергей, зайди к нему домой в десять утра. Отправитесь на речку заниматься плаванием. Но предупреждаю, друг: если ты к двадцать восьмому числу не научишься хотя бы держаться на воде, тогда уж извини. На реке всякое может случиться.

Когда окончилось собрание, Сергей ушёл из школы, даже не взглянув на Евгения.

На следующее утро он отправился к преподавателю физкультуры, но оказалось, что Василий Васильевич заболел ангиной и лежит в постели. Тогда Женька сказал Сергею, что он сам научит его плавать. Сергей сначала и разговаривать с Женькой не захотел, но потом согласился. Как-никак, а Женька был одним из лучших наших пловцов.

С тех пор во время наших тренировок мы с Витей каждый день видели, как они мучаются. Вот и теперь мы смотрели на них и очень сочувствовали Сергею. До начала похода осталась только неделя, а он всё ещё плавал как топор.

Вите было хорошо! Он поступил в нашу школу этой осенью, и никто, кроме меня, не знал, что он не умеет плавать.

* * *

Женька прилёг на песок, подперев голову рукой. Сергей по-прежнему сидел, положив подбородок на острые колени.

Он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я все свой деньги истратил на этот поход... Литературу купил, удочки... А теперь... теперь всё прахом пошло!

— Ничего не прахом. Научишься, — ответил Женька.

Сергей повернулся к нему и вдруг закричал тонким, почти плачущим голосом:

— «Научишься, научишься»! Уже три дня из реки не вылезаем, а чему я научился? Чему? Воду литрами глотать — вот чему я у тебя научился!

Женька спокойно разглядывал на ладони какую-то песчинку.

— Ты, главное, духом не падай. Ещё неделя впереди.

— «Неделя впереди, неделя впереди»! — опять закричал Сергей. — Говорят тебе, что у меня организм такой! Не приспособлен я к плаванию.

— Выдумываешь ты всё. «Организм»! — проворчал Женька.

Тон у него был такой спокойный и уверенный, что я не выдержал:

— А откуда ты знаешь, что он выдумывает? Может, и правда у него удельный вес слишком большой!

— Тебе хорошо говорить: «Не падай духом»! — проворчал Виктор. — Ты-то в поход пойдёшь. Подвёл товарища, чтобы принципиальность свою показать, а теперь утешает: «Не падай духом»!

Женька встал, отряхнул песок с трусов, натянул на ноги старые чёрные брюки, закатанные до колен, и, не надев рубашки, стал подниматься по тропинке, ведущей с пляжа наверх.

— Обиделся! — усмехнулся Виктор.

— Жень! Куда ты? — окликнул я.

— Домой! Сейчас приду.

Женькин дом был совсем недалеко.

Минут через десять он вернулся. Он нёс длинную толстую верёвку, свёрнутую в кольцо. Он остановился над Сергеем и сказал усталым голосом:

— Вставай! Пошли.

Сергей только голову приподнял:

— Куда еще?

— По новому способу учиться.

— По какому ещё способу?

— У тебя на мелком месте ничего не получается: ты, чуть что, ногами на дно становишься. Теперь давай на глубоком месте попробуем. Я тебя спущу на верёвке с моста, а ты старайся плавать. Как пойдёшь ко дну, я тебя вытащу.

— Ничего не выйдет, — сказал Сергей и отвернулся.

Женька подождал немного, потом повысил голос:

— Идём! Слышишь? Долго я над тобой буду стоять?

Тут уж мы с Виктором поддержали Женьку.

— В самом деле, Сергей, почему не попробовать! — сказал я. — Мне говорили, что такой способ помогает.

— Чудак человек! — сказал Виктор. — Последнюю надежду теряешь. А вдруг всё-таки научишься да пойдёшь в поход?

Как видно, Сергей не захотел терять последнюю надежду. Он поднялся, и Женька обмотал его грудь верёвкой, завязав тройной узел на спине.

— Идём! А вы, ребята, стойте на всякий случай поближе к воде.

Дойдя с Сергеем до середины моста, Женька остановится:

— Тут будем. Здесь глубоко. Полезай!

Я знал, что под мостом Сергею было не больше чем по шею, да и вообще в нашей речке возле города трудно найти место, где было бы глубже. Сергей с опаской посмотрел вниз, и я подумал, что он сейчас увидит дно.

Однако вода была довольно мутная. Сергей потоптался некоторое время на месте и, вздохнув так громко, что даже мы с Виктором услышали с берега, перенёс через перила сначала одну ногу, потом другую. Стоя за перилами, он снова посмотрел на воду, потом на Женьку.

— Полезай, полезай! — сказал тот.

Сергей обхватил руками сваю и пополз вниз, а Женька начал постепенно вытравливать верёвку, но так, чтобы она оставалась всё время натянутой.

Вот Сергей погрузился в воду по плечи. Он смотрел вверх на Женю, а тот, перегнувшись через перила, посмотрел на него.

— Плыви! — скомандовал Женька.

Сергей забарахтался было, но как только Женька ослабил верёвку, он снова обнял сваю и повис на ней.

— Отпусти сваю! — сказал Женька.

Сергей молчал и отплёвывался.

— Отпусти, говорю! Что ты вцепился?

Сергей отпустил сваю и со страшной силой заколотил руками и ногами по воде. Женька быстро оттащил его подальше от сваи и закричал:

— Спокойно! Спокойно! Плавно под себя подгребай, плавно!

Но Сергей уже не слышал его — он исчез под водой, только круги пошли от верёвки. Женька подождал секунды две, надеясь, что он выплывет, затем вытащил своего ученика на поверхность.

— Отдохни немного, — сказал он.

Сергей отдохнул, а потом Женька снова скомандовал ему: «Плыви!» — и снова тот начал барахтаться, а его учитель кричать: «Спокойно! Под себя подгребай!» И снова Сергей исчез под водой, и снова Женька вытащил его, перепуганного и задыхающегося. Так повторялось много раз.

Минут через пятнадцать Сергей таким голосом крикнул: «К чёрту! Не могу больше!», что Евгений тут же подтащил его к свае и помог взобраться на мост.

— К чё-чё-чёрту всё это плавание! К чё-чё-чёрту весь этот по-ход! — сказал Сергей и стал быстро ходить по пляжу, чтобы согреться.

Женька сел на песок. Он весь блестел от пота, и вид у него был такой усталый, что ни я, ни Витя больше не решились его ругать.

— Не надо мне никакого похода! — повторил Сергей, проходя мимо.

Мы посмотрели ему вслед. Витя негромко сказал:

— Сейчас говорит «не надо», а как будет старт, заболит с горя.

— Конечно, — ответил я. — Во всех наших путешествиях он самый активный был. А тут все пойдут, а он один будет дома сидеть.

Женька машинально сгребал руками песок, строил из него пирамиду.

— А я, думаете, пойду, если Сергея не возьмут? — сказал он, не поднимая головы. — Думаете, у меня совести нет?

Скоро Витя отошёл от нас и принялся вычерпывать консервной банкой воду из лодки. Женька о чём-то думал, поглядывая то на лодку, то на ушедшего в другой конец пляжа Сергея. Вдруг он, понизив голос, обратился ко мне:

— Отдохнём чуток и ещё один способ попробуем. Только вы мне помогите.

Я присел перед ним на корточки:

— А что за способ?

— Мне Юрка Поспелов рассказывал. Говорит, его так отец научил. Посадил в лодку, отплыл от берега и выбросил его за борт. Юрка подумал, что там глубоко, стал изо всех сил барахтаться,

чтобы жизнь свою спасти, и поплыл. Поможете?

— Помочь, конечно, поможем. Только где ты найдёшь глубокое место?

— А глубокого как раз и не нужно искать. Нужно только сказать Сергею, что там с ручками.

— Против ивовых кустов есть такое место, — сказал я. — Там вода какая-то зелёная, тёмная, кажется, что и дна нет, а на самом деле совсем неглубоко.

Договорившись обо всём, мы окликнули Сергея и предложили ему покататься. Сергей ответил, что для него «плавать на лодке — значит, только растравлять себя», но тут же стал помогать Виктору вычерпывать воду. Покончив с водой, они столкнули лодку и забрались в неё. Нам так и не удалось предупредить Витю о том, что мы задумали. Мы усадили Сергея править, я примостился рядом с ним на корме, Женька сел на вёсла, чтобы быть поближе к нам, а Витя расположился на носу.

До ивовых кустов было метров пятьсот. Наша лодочка, тяжело нагружённая, сильно осевшая, медленно подвигалась против течения. Песчаный пляж кончился. Справа потянулся почти отвесный глиняный обрыв со множеством крошечных пещерок. Десятки ласточек носились в этом месте над рекой, то пикируя к самой воде, то высоко взлетая. Временами какая-нибудь из них исчезала в одной из пещерок и через несколько секунд выпархивала оттуда снова.

Наконец мы добрались до места, где под обрывом росли кусты ивы, окунувшие нижние ветки в воду. Я мигнул Женьке и, как было условлено, громко спросил:

— Женька! А что, здесь глубоко?

— У-у!.. — протянул он. — Тут даже я не доныриваю.

Сергей посмотрел на тёмную воду.

Мы с Женькой перемигнулись. Я обеими руками упёрся Сергеем в плечо и толкнул его.

— Ой, что ты делаешь! — вскрикнул он и вцепился в борта.

Лодка сильно качнулась.

— Хватит дурить, вы! Перевернёмся! — сказал Витя, но Женька вскочил и бросился ко мне на помощь.

Я отклонился в сторону и всем корпусом что было силы толкнул Сергея в бок...

Раздался крик, я почувствовал, что куда-то лечу, потом вокруг меня зашумела вода.

Окунувшись, я стал на дно. Вода была мне по грудь. Через секунду в метре от меня показалась Женькина голова.

— Где Серёжка? Серёжки нет! — сказал он нырнул.

Я оглянулся и не увидел ни Виктора, ни Сергея. Только лодка плыла кверху килем да Витина соломенная шляпа. Я тоже нырнул и увидел илистое дно, редкие кустики каких-то водорослей да Женьку, проплывшего мимо меня, словно огромная лягушка. И больше ничего и никого!

Мы вынырнули одновременно друг против друга. Лицо у Женьки было серое.

— Серёжки нет... Серёжка утонул! — сказал он хрипло.

— И Витьки нет! — ответил я, глотая воздух.

Мы снова нырнули.

Чего я только не передумал за эти несколько секунд, пока был под водой! Иной раз за целый день столько не передумаешь. И о том, что я скажу Витькиным родителям, и о том, что, если бы я выучил его вовремя плавать, всё обошлось бы благополучно, и о том, что мы с ним не доделали фотоаппарата под киноплёнку, и о том, что же теперь будет с Женькой и с Серёжиной мамой, и о том, каким образом всё-таки могли утонуть два здоровенных малых в таком мелком месте.

Почувствовав, что вот-вот открою рот и вздохну, я снова стал ногами на дно и оглянулся. Берег был пуст. Не увидел я никого и на воде. Но из-за перевёрнутой лодки, которая шла боком к течению и которую отнесло уже метров на двадцать, доносились два испуганных, сердитых голоса:

— Женька! Володька! Сюда!

— Женька, где ты там?

Женькина голова на секунду появилась над водой:

— Нету их!

Голова снова исчезла.

Женька, наверно, сам умер бы под водой от разрыва сердца, если бы я насильно не вытащил его. Только теперь он услышал крики и всё понял. Быстрыми сажёнками мы догнали лодку, поймав по дороге плившее отдельно весло и Витькину соломенную шляпу. Обогнув лодку, мы увидели возле кормы — Сергея, а возле носа — Виктора. Уцепившись за борт, они били по воде ногами.

— Становитесь на дно. Здесь мелко, — сказал Евгений.

Мы с Женькой страшно переволновались, пробыли под водой, наверно, в общей сложности минуту, потом гнались за лодкой и теперь тащили её к берегу из последних сил.

Я только и думал о том, как бы преодолеть эти пять-шесть метров, отделявших нас от берега, и лечь на узкой, поросшей травой полоске земли под обрывом. Наконец мы добрались, но и тут нам не сразу удалось отдохнуть. Едва мы вышли на берег, как Сергей начал наступать на нас, приговаривая:

— Я вам покажу, как такие шуточки шутить! Я вам покажу, как такие шуточки шутить!

Он даже шлёпнул меня ладонью по затылку. Витя вытряхивал из своей шляпы воду и громко одобрял Серёжку:

— Так им!.. Дай им ещё! Знают, что люди плавать не умеют, и такие штуки выкидывают!

Потом они вскарабкались на обрыв и ушли.

В другой раз ни я, ни Женька не спустили бы Сергею такого обращения, но теперь нам было

всё равно. Мы не окликнули их: мы рады были, что они ушли. Сели на траву и стали отдыхать.

* * *

На следующий день я зашёл к Вите, чтобы объяснить ему вчерашнее происшествие и позвать тренироваться в гребле. Его не оказалось дома — мать послала в магазин. Я оставил записку, в которой сообщал, что буду ждать его возле мостика, и, взяв лодку, отправился туда.

На пляже я увидел такую же картину, что и вчера: по грудь в воде стоял Сергей, а возле него торчала Женькина голова.

— Ты не волнуйся. Ты вот так делай. Вот так! Смотри!

Женька медленно проплыл около Сергея.

— Ну, а я не так, что ли, делаю?.. Я же так и делаю!

— Значит, не так. Ну, давай! Ещё раз!

Через несколько минут сверху спустился Витя. Я стал рассказывать ему, почему мы вчера перевернули лодку и как мы искали его и Сергея на дне реки. Рассказывал я долго, подробно и вдруг остановился.

Всё время мы слышали, как Женька выкрикивает своё обычное: «Не волнуйся!», «Подгребай!», «Держи руки под водой!», а тут он вдруг закричал:

— Ну-ну-ну-ну! Ну, ещё... Ну так! Ну-ну-ну-ну!

Мы оглянулись на речку, но Сергея не увидели.

Однако через секунду он высунулся из воды.

— Что? Проплыл? — спросил он почему-то испуганным тоном.

А Женька так же испуганно ответил:

— Серёжка, честное пионерское! Метра полтора!

Сергей ничего не сказал. Он откинул чуб со лба, лёг на воду и, взбивая ногами пену, страшно вытаращив глаза, то открывая рот, то надувая щёки, двинулся к берегу.

— Серёжка! Хочешь — верь, хочешь — не верь! Два метра!

Похоже было, что Сергей и в самом деле не поверил. Стоя уже по колени в воде, он с улыбкой посмотрел на нас и спросил:

— Проплыл? Да?

— Чудак! Конечно, проплыл!

Женька вышел на берег и бросился на песок.

— Всё! — сказал он. — Теперь он и сам из воды не вылезет.

Женька не ошибся. Мы уже начали кричать Сергею, что он весь посинел, что он зря так переутомляется, но Сергей всё барахтался, всё барахтался и с каждым разом, несмотря на утомление, держался па воде всё дольше.

— Женька! Друг! — закричал он неожиданно, выскочил на берег, обнял Женьку и стал кататься с ним по песку.

Когда Женька кое-как от него отбился, Сергей стал один прыгать и кувыркаться. Наконец он уселся, улыбаясь, весь облепленный песком.

— С девяти лет не мог научиться! — выкрикивал он. — Теперь посмотрим, Трофим Иванович!.. Отдохну немного — на боку попробую! Женька! Женечка! Друг! — И он снова бросился обнимать Женьку и катать его по песку.

Согревшись, Сергей опять бросился в речку. Женька лежал, подперев голову рукой, улыбался, помалкивал и, как видно, был очень доволен, что ему не надо лезть в воду.

Переговариваясь с Сергеем, давая ему всякие советы, я не сразу заметил, что Витю что-то не слышно.

Я оглянулся на него. Витя сидел грустный, притихший и покусывал поля своей огромной шляпы.

Я догадался, о чём он думает. О том, что теперь он один из всего нашего туристического кружка не умеет плавать, и, может быть, о том, что, будь у него такой друг, как Женька, он бы уже плавал.

Я мигнул Женьке и сказал:

— Виктор, а тебе Женя говорил о проверке?

— О какой ещё проверке? — спросил он нехотя.

— Ну, о том, что Трофим Иванович собирается перед походом всех по плаванию проверить.

— Врёшь.

— Не веришь? Спроси Женьку.

— Ну да, — отозвался тот. — Двадцать восьмого, в двенадцать ноль-ноль, будет проверка. Я вчера Трофима Ивановича встретил, и он мне сказал.

Витя посмотрел на меня, на Евгения, помолчал...

— Женька! Поможешь, а? А то меня Володька пробовал учить, да ничего как-то не вышло.

Женя не сразу ответил. Он поковырял пальцем в песке, извлёк оттуда половинку ракушки, осмотрел её, отбросил и, вздохнув, медленно поднялся.

— Давай! Иди, — сказал он усталым голосом. — Ты, главное, не волнуйся. Дыши спокойно и подгребай под себя.

Витя научился быстрее Сергея: он поплыл на следующий день.

Гадюка

Мимо окна вагона проплыл одинокий фонарь. Поезд остановился. На платформе послышались торопливые голоса:

— Ну, в час добрый! Смотри из окна не высывайся!

— Не буду, бабушка.

— Как приедешь, обязательно телеграмму!.. Боря, слышишь? Мыслимое ли дело такую пакость везти!

Поезд тронулся.

— До свиданья, бабушка!

— Маму целуй. Носовой платок я тебе в карман..

Старичок в панаме из сурового полотна негромко заметил:

— Так-с! Сейчас, значит, сюда пожелует Боря.

Дверь отворилась, и Боря вошёл. Это был мальчик лет двенадцати, упитанный, розовощёкий. Серая кепка сидела криво на его голове, чёрная курточка распахнулась. В одной руке он держал бельевую корзину, в другой — верёвочную сумку с большой банкой из зелёного стекла. Он двигался по вагону медленно, осторожно, держа сумку на почтительном расстоянии от себя и не спуская с неё глаз.

Вагон был полон. Кое-кто из пассажиров забрался даже на верхние полки. Дойдя до середины вагона, Боря остановился.

— Мы немного потеснимся, а молодой человек сядет здесь, с краешку, — сказал старичок в панаме.

— Спасибо! — невнятно проговорил Боря и сел, предварительно засунув свой багаж под лавку.

Пассажиры исподтишка наблюдали за ним. Некоторое время он сидел смирно, держась руками за колени и глубоко дыша, потом вдруг сполз со своего места, выдвинул сумку и долго рассматривал сквозь стекло содержимое банки. Потом негромко сказал: «Тут», убрал сумку и снова уселся.

Многие в вагоне спали. До появления Бори тишина нарушалась лишь постукиванием колёс да чьим-то размеренным храпом. Но теперь к этим монотонным, привычным, а потому незаметным звукам примешивался странный непрерывный шорох, который явно исходил из-под лавки.

Старичок в панаме поставил ребром на коленях большой портфель и обратился к Боре:

— В Москву едем, молодой человек?

Боря кивнул.

— На даче были?

— В деревне. У бабушки.

— Так, так!.. В деревне. Это хорошо. — Старичок немного помолчал. — Только тяжеленько, должно быть, одному. Багаж-то у вас вон какой, не по росту.

— Корзина? Нет, она лёгкая. — Боря нагнулся зачем-то, потрогал корзину и добавил вскользь: — В ней одни только земноводные.

— Как?

— Одни земноводные и пресмыкающиеся.

На минуту воцарилось молчание. Потом плечистый рабочий с тёмными усами пробасил:

— Это как понимать: земноводные и пресмыкающиеся?

— Ну, лягушки, жабы, ящерицы, ужи...

— Брррр, какая мерзость! — сказала пассажирка в углу.

Старичок побарабанил пальцами по портфелю:

— Н-да! Занятно!.. И на какой же предмет вы их, так сказать...

— Террариум для школы делаем. Двое наших ребят самый террариум строят, а я ловлю.

— Чего делают? — спросила пожилая колхозница, лежавшая на второй полке.

— Террариум, — пояснил старичок, — это, знаете, такой ящик стеклянный, вроде аквариума. В нём и содержат всех этих...

— Гадов-то этих?

— Н-ну да. Не гадов, а земноводных и пресмыкающихся, выражаясь научным языком. — Старичок снова обратился к Боре: — И... и много, значит, у вас этих земноводных?

Боря поднял глаза и стал загибать пальцы на левой руке:

— Ужей четыре штуки, жаб две, ящериц восемь и лягушек одиннадцать.

— Ужас какой! — донеслось из тёмного угла.

Пожилая колхозница поднялась на локте и посмотрела вниз на Борю:

— И всех в школу повезёшь?

— Не всех. Мы половину ужей и лягушек на тритонов сменяем в девчачьей школе.

— Ужотко попадёт тебе от учителей...

Боря снисходительно улыбнулся:

— «Попадёт»! Вовсе не попадёт. Наоборот, даже спасибо скажут.

— Раз для учёнья, стало быть, не попадёт, — согласился усатый рабочий.

Разговор заинтересовал других пассажиров: из соседнего отделения вышел молодой загорелый лейтенант и остановился в проходе, положив локоть на вторую полку; подошли две девушки-колхозницы, громко щёлкая орехи; подошёл высокий лысый гражданин в пенсне; подошли два ремесленника. Боре, как видно, польстило такое внимание. Он заговорил оживлённее, уже не дожидаясь расспросов:

— Вы знаете, какую мы пользу школе приносим... Один уж в зоомагазине семь пятьдесят стоит, да ещё попробуй достань! А лягушки... Пусть хотя бы по трёшке штука, вот и тридцать три рубля... А самый террариум!. Если такой в магазине купить, рублей пятьсот обойдётся. А вы говорите «попадёт»!

Пассажиры смеялись, кивали головами.

— Молодцы!

— А что вы думаете! И в самом деле пользу приносят.

— И долго ты их ловил? — спросил лейтенант.

— Две недели целых. Утром позавтракаю — и сразу на охоту. Приду домой, пообедаю — и опять ловить, до самого вечера. — Боря снял кепку с головы и принялся обмахиваться ею. — С лягушками и жабами ещё ничего... и ящерицы часто попадаются, а вот с ужами... Я раз увидел одного, бросился к нему, а он — в пруд, а я не удержался — и тоже в пруд. Думаете, не опасно?

— Опасно, конечно, — согласился лейтенант.

Почти весь вагон прислушивался теперь к разговору. Из всех отделений высовывались улыбающиеся лица. Когда Боря говорил, наступала тишина. Когда он умолкал, отовсюду слышались приглушённый смех и негромкие голоса:

— Занятный какой мальчонка!

— Маленький, а какой сознательный!

— Н-нда-с! — заметил старичок в панаме. — Общественно полезный труд. В наше время, граждане, таких детей не было. Не было таких детей!

— Я ещё больше наловил бы, если бы не бабушка, — сказал Боря. — Она их до смерти боится.

— Бедная твоя бабушка!

— Я и так ей ничего про гадюку не сказал.

— Про кого?

— Про гадюку. Я её четыре часа выслеживал. Она под камень ушла, а я её ждал. Потом она вылезла, я её защемил...

— Стало быть, и гадюку везёшь? — перебил его рабочий.

— Ага! Она у меня в банке, отдельно. — Боря махнул рукой под скамью.

— Этого ещё недоставало! — простионала пассажирка в тёмном углу.

Слушатели несколько притихли. лица их стали серьёзнее. Только лейтенант продолжал улыбаться.

— А может, это и не гадюка? — спросил он.

— «Не гадюка»! — возмутился Боря. — А что же тогда, по-вашему?

— Ещё один уж.

— Думаете, я ужа отличить не могу?

— А ну покажи!

— Да оставьте! — заговорили кругом. — Ну её!

— Пусть, пусть покажет. Интересно.

— Ну что там интересного. Смотреть противно!

— А вы не смотрите.

Боря вытащил из-под лавки сумку и опустился перед ней на корточки. Стоявшие в проходе расступились, сидевшие на скамьях приподнялись со своих мест и вытянули шеи, глядя на зелёную банку.

— Сорок лет прожил, а гадюку от ужа не сумею отличить, — сказал гражданин в пенсне.

— Вот! — наставительно отозвался старичок. — А будь у вас в школе террариум, тогда смогли бы.

— Уж возле головы пятнышки такие жёлтые имеет, — сказал Боря, заглядывая сбоку внутрь банки. — А у гадюки таких пятнышек... — Он вдруг умолк. Лицо его приняло сосредоточенное выражение. — У гадюки... у гадюки таких пятнышек... — Он опять не договорил и посмотрел на банку с другой стороны. Потом заглянул под лавку. Потом медленно обвёл глазами пол вокруг себя.

— Что, нету? — спросил кто-то.

Боря поднялся. Держась руками за колени, он всё ещё смотрел на банку.

— Я... я совсем недавно её проверял... Тут была...

Пассажиры безмолвствовали. Боря опять заглянул под скамью:

— Тряпочка развязалась. Я её очень крепко завязал, а она... видите?

Тряпочка никого не интересовала. Все опасно смотрели на пол и переступали с ноги на ногу.

— Чёрт знает что! — процедил сквозь зубы гражданин в пенсне. — Выходит, что она здесь где-то ползает.

— Н-нда! История!..

— Ужалит ещё в тесноте!

Пожилая колхозница села на полке и уставилась на Бору:

— Что же ты со мной сделал! милый! Мне сходить через три остановки, а у меня вещи под лавкой. Как я теперь за ними полезу?

Боря не ответил. Уши его окрасились в тёмно-красный цвет, на физиономии выступили капельки пота. Он то нагибался и заглядывал под скамью, то стоял, опустив руки, машинально постукивая себя пальцами по бёдрам.

— Доигрались! Маленькие! — воскликнула пассажирка в тёмном углу.

— Тётя Маша! А, тётъ Маш! — крикнула одна из девушек.

— Ну? — донеслось с конца вагона.

— Поаккуратней там. Гадюка под лавками ползает.

— Что-о? Какая гадюка?

В вагоне стало очень шумно. Девушка-проводник вышла из служебного отделения, сонно поморгала глазами и вдруг широко раскрыла их.

Двое парней-ремесленников подсаживали на вторую полку опрятную старушку:

— Давай, давай, бабуся, эвакуируйся!

На нижних скамьях, недавно переполненных, теперь было много свободных мест, зато с каждой третьей полки свешивалось по несколько пар женских ног. Пассажиры, оставшиеся внизу, сидели, поставив каблуки на противоположные скамьи. В проходе топталось несколько мужчин, освещая пол карманными фонарями и спичками.

Проводница пошла вдоль вагона, заглядывая в каждое купе:

— В чём дело? Что тут такое у вас?

Никто ей не ответил. Со всех сторон слышались десятки голосов, и возмущённых и смеющихся:

— Из-за какого-то мальчишки людям беспокойства сколько!

— Миша! Миша, проснись, гадюка у нас!

— А? Какая станция?

Внезапно раздался истошный женский визг. Мгновенно воцарилась тишина, и в этой тишине откуда-то сверху прозвучал ласковый украинский говорок:

— Та не бойтесь! Це мій ремешёк на вас упал.

Боря так виновато помаргивал светлыми ресницами, что проводница уставилась на него и сразу спросила:

— Ну?.. Чего ты здесь натворил?

— Тряпочка развязалась... Я её завязал тряпочкой, а она...

— Интересно, какой это педагог заставляет учеников возить ядовитых змей! — сказал гражданин в пенсне.

— Меня никто не заставлял... — пролепетал Боря. — Я... я сам придумал, чтобы её привезти.

— Инициативу проявил, — усмехнулся лейтенант.

Проводница поняла всё.

— «Сам, сам!» — закричала она плачущим голосом. — Лезь вот теперь под лавку и лови! Как хочешь, так и лови! Я за тебя, что ли, полезу? Лезь, говорю!

Боря опустился на четвереньки и полез под лавку. Проводница ухватилась за его ботинок и закричала громче прежнего:

— Ты что? С ума сошёл?.. Вылезай! Вылезай, тебе говорят!

Боря всхлипнул под лавкой и слегка дернул ногой:

— Сам... сам упустил... сам и... найду.

— Довольно, друг, не дури, — сказал лейтенант, извлекая охотника из-под лавки.

Проводница постояла, повертела в растерянности головой и направилась к выходу:

— Пойду старшему доложу.

Она долго не возвращалась. Пассажиры устали волноваться. Голоса звучали реже, спокойнее.

mir-knigi.org

На нижних скамьях теперь было много свободных мест.

Лейтенант, двое ремесленников и ещё несколько человек продолжали искать гадюку, осторожно выдвигая из-под сидений чемоданы и мешки. Остальные изредка справлялись о том, как идут у них дела, и беседовали о ядовитых змеях вообще.

— Что вы мне рассказываете о кобрах. Кобры на юге живут.

— ... перевязать потуже руку, высосать кровь, потом прижечь калёным железом.

— Спасибо вам! «Калёным железом»!

Пожилая колхозница сетовала, ни к кому не обращаясь:

— Нешто я теперь за ними полезу!.. В сорок четвёртом мою свояченицу такая укусила. Две недели в больнице маялась.

Старичок в панаме сидел уже на третьей полке.

— Дёшево отделалась ваша свояченица. Укус гадюки бывает смертелен, — хладнокровно отозвался он.

— Есть! Тут она! — вскрикнул вдруг один из ремесленников.

Казалось, сам вагон облегчённо вздохнул и веселее застучал колёсами.

— Нашли?

— Где «тут»?

— Бейте её скорей!

Присевшего на корточки ремесленника окружило несколько человек. Толкаясь, мешая друг другу, они заглядывали под боковое место, куда лейтенант светил фонариком.

— Под лавкой, говорите? — спрашивали их пассажиры.

— Ага! В самый угол заползла.

— Как же её достать?

— Трудненько!

— Ну, что вы стойте? Уйдёт!

Явился старший и с ним девушка-проводник. Старший нагнулся и, не отрывая глаз от тёмного угла под лавкой, помахал проводнице отведённой в сторону рукой:

— Кочерёжку!.. Кочерёжку! Кочерёжку неси!

Проводница ушла. Вагон притих в ожидании развязки. Старичок в панаме, сидя на третьей полке, вынул часы:

— Через сорок минут Москва. Незаметно время прошло. Благодаря... гм... благодаря молодому человеку.

Кое-кто засмеялся. Все собравшиеся вокруг ремесленника посмотрели на Боря, словно только сейчас вспомнили о нём. Он стоял в сторонке, печальный, усталый, и медленно тёр друг о дружку испачканные ладони.

— Что, друг, пропали твои труды? — сказал лейтенант. — Охотился, охотился, бабушку вконец допёк, а сейчас этот дядя возьмёт да и ухлопает кочергой твоё наглядное пособие.

Боря поднял ладонь к самому носу и стал соскребать с неё грязь указательным пальцем.

— Жалко, охотник, а? — спросил ремесленник.

— Думаете, нет! — прошептал Боря.

Пассажиры помолчали.

— Похоже, и правда нехорошо выходит, — пробасил вдруг усатый рабочий. Он спокойно сидел на своем месте и курил, заложив ногу за ногу, глядя на носок испачканного глиной сапога.

— Что — нехорошо? — обернулся старший.

— Не для баловства малый её везёт. Убивать-то вроде как и неудобно.

— А что с ней прикажете делать? — спросил гражданин в пенсне.

— Поймать! «Что делать»! — ответил ремесленник. — Поймать и отдать охотнику.

Вошла проводница с кочергой. Вид у неё был воинственный.

— Тут ещё? Не ушла? Посветите кто-нибудь.

Лейтенант осторожно взял у неё кочергу:

— Товарищи, может, не будем, а? Помилуем гадюку?.. Посмотрите на мальчонку: ведь работал человек, трудился!

Озадаченные пассажиры молчали. Старший воззрился на лейтенанта и покраснел:

— Вам смех, товарищ, а нашего брата могут привлечь, если с пассажиром что случится!

— А убьёте гадюку, вас, папаша, за другое привлекут, — серьёзно сказал ремесленник.

— «Привлекут»... — протянула проводница. — За что это такое привлекут?

— За порчу школьного имущества, вот за что.

Кругом дружно захохотали, потом заспорили.

Одни говорили, что в школе всё равно не станут держать гадюку; другие утверждали, что держат, но под особым надзором учителя биологии; третьи соглашались со вторыми, но считали опасным отдавать гадюку Боре: вдруг он снова выпустит её в трамвае или в метро!

— Не выпущу я! Вот честное пионерское, не выпущу! — сказал Боря, глядя на взрослых такими глазами, что даже пожилая колхозница умилилась.

— Да не выпустит он! — затынула она жалостливо. — Чай, теперь учёный! Ведь тоже сочувствие надо иметь: другие ребяташки в каникулы бегают да резвятся, а он со своими гадами две недели мучился.

— Н-да! Так сказать, уважение к чужому труду, — произнёс старичок в панаме.

Гражданин в пенсне поднял голову:

— Вы там философствуете... А проводили бы ребёнка до дому с его змейей?

— Я? Гм!.. Собственно...

Лейтенант махнул рукой:

— Ну ладно! Я провожу... Где живёшь?

— На улице Чернышевского живу.

— Провожу. Скажи спасибо! Крюк из-за тебя делаю.

— Ну как, охотники, убили? — спросил кто-то с другого конца вагона.

— Нет. Помиловали, — ответил ремесленник.

Старший сурово обвёл глазами «охотников»:

— Дети малые! — Он обернулся к проводнице: — Совок неси. Совок под неё подсунем, а кочерёжкой прижмём. Неси!

— Дети малые! — повторила, удаляясь, проводница.

Через десять минут гадюка лежала в банке, а банка, на этот раз очень солидно закрытая, стояла на коленях у лейтенанта. Рядом с лейтенантом сидел Боря, молчаливый и сияющий.

До самой Москвы пассажиры вслух вспоминали свой ученические годы, и в вагоне было очень весело.

1947

